

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

За «Портретом неизвестной»,
написанной Крамским,
тянется дурная слава. Она
принесла несчастье и своему
создателю, и всем владельцам.

И сила проклятия той, чье
сердце было разбито, столь
велика, что над ним
не властно время...

Екатерина ЛЕСИНА

Проклятая картина Крамского

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина

Проклятая картина Крамского

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лесина Е.

Проклятая картина Крамского / Е. Лесина — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-85858-3

Год за годом наблюдает черноглазая незнакомка за людьми. Усмехается, храня свою тайну. Прячет презрение в изгибе губ. И несет несчастье всем, кому вздумается взять проклятую картину в руки... Случай сводит Илью со старым школьным приятелем Генкой, который этой встрече вовсе не рад, ведь Илья – успешный предприниматель, а сам Генка беден и обижен на несправедливость жизни. Он много пьет, жалуется и, вспомнив о прежней дружбе, просит денег в долг, обещая в самом скором времени вернуть с процентами. Генка уверяет, что ему наконец повезло, он напал на след одной картины, которая принесет ему миллионы, а заодно уж перевернет мир искусства. Илья не верит, но той же ночью Генка погибает. А на следующий день Илья получает письмо с фотографией картины, которая на первый взгляд кажется копией знаменитой «Незнакомки» Крамского...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85858-3

© Лесина Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

0	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Часть I	28
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Екатерина Лесина

Проклятая картина Крамского

© Лесина Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

0

“Милостивый сударь.

Обращаюсь к Вам, ибо больше не к кому мне обратиться.

И прошу простить меня, ежели просьба моя нынешняя покажется Вам неуместною. Ныне многие из тех, которые давече именовали себя моими друзьями и свято уверяли в своей расположенности к моей особе, предпочитают делать вид, будто бы вовсе со мною не знакомы. Что ж, такова, верно, моя судьба. И все же уповаю на Провидение, что Вы, многоуважаемый Иван Николаевич, не уподобитесь тем, кому благосклонность моих родственников, отрекшихся от этого родства, дороже истины. Кому ли, как не Вам, знать, что я была и остаюсь верна своему супругу и телом, и разумом, и душой. Что в наветах, разрушивших наш брак, нет ни слова правды.

Я не прошу Вас стать судьей, но лишь устроить нашу встречу.

Я писала письма ему, умоляя о том, но он, не без помощи своей матушки, которая никогда-то не относилась ко мне с любовью, оставался глух к мольбам моим. Но Вас, Ваш талант, Вашу прозорливость он всегда ценил. И ежели Вы передадите ему мою просьбу...»

Не дочитав слезного послания, мужчина скомкал его и отправил в камин. Он отвернулся, не желая видеть, как вместе с бумагой сгорают чужие надежды.

Да и... Пустые это надежды.

Все уже было решено и предопределено, и что бы он ни делал, он не добьется ничего, кроме гнева старой графини, а она на редкость злопамятна. Надобно ли ему это? Не сейчас... Его собственное положение в обществе не столь уж устойчиво. Да, его охотно принимают во многих домах, делают заказы, за которые платят щедро, однако ему ли не знать, сколь переменчива бывает удача.

Так стоит ли...

Не стоит.

Это не трусость, это благоразумие, то самое благоразумие, которого не хватило Матрене Саввишне, а ведь ее предупреждали... Она не слышала, люди никогда не слышат, а после искренне удивляются, как же вышло так, что судьба от них отвернулась.

Мужчина налил вина.

Он сел перед камином, уставился на живое пламя. Он думал вовсе не о чужом горе, но о грядущей выставке, до которой оставалось несколько месяцев... Выставки он любил, поскольку и публика, и критики любили его, точнее, его картины.

И все же... хотелось бы удивить.

Чем?

Отблески вина в бокале ложились на руки, которые самому человеку всегда-то казались слишком уж грубыми, нарочито крестьянскими, чтобы быть пригодными к тонкой работе. Ах, были у него задумки, и эскизы имелись, и все же... все же не то... характерно.

Обыкновенно.

Скучно.

А требовалось нечто этакое, удивительное, что вновь заставит говорить о нем... Мужчина прикрыл глаза. И все-таки сожженное письмо не шло из головы.

Даже не письмо, а женищина, его написавшая.

Ах, до чего красива она была... Неподобающе красива... и удивительна... и не удивительно, вовсе не удивительно, что он сам не устоял перед этим природным очарованием, написав ее портрет.

Где он?

Если попросить графиню... Она скорее уж сожжет полотно, чтобы ничего не напоминало о неудобной невестке. А супруг все-таки любит ее... не расстанется... Или Матрена Саввишина забрала портрет с собой? Почему нет... Большие у нее нет ничего, что бы и вправду ей принадлежало... Ах, до чего неудачно... Пусть и написан он был в нехарактерной манере, но... в том и интерес, и новизна... и сколь неосмотрительно было поддаваться чувствам.

Чувства мимолетны.

С другой стороны... выставь он полотно, графиня точно осталась бы недовольна.

...а вот если написать новую картину.

...Он никогда-то не работал без модели, но модель имеется. Есть эскизы, наброски... Есть и память его, которая прежде не подводила. Он и сейчас распрекрасно помнит каждую черту ее лица... Пожалуй, черты эти следует несколько изменить, избегая полного сходства... Нанять девицу для позирования... и сделать нечто среднее, тогда никто не сможет обвинить его, хотя, видит бог, его-то точно не в чем обвинять.

Но мысль о картине не отпускала. Более того, он ощутил непреодолимое почти желание немедленно приступить к работе, пока сам образ был еще ярок...

...«Неизвестная» получилась именно такой, какой он желал ее видеть. И критики отнеслись к ней не просто с благосклонностью, но с искренним восторгом.

— Кто она?

— Неизвестная. — Крамской улыбался, отвечая на вопросы.

— Она ведь существует?

— Несомненно...

...в его памяти. И в воображении, слепившем из двух лицо одно, придавшем этому лицу нужные лоск и в то же время скрытую легкомысленность. До чего славно все получилось...

А Третьякову картина не понравилась.

— Ты рискуешь, — сказал он, разглядывая картину настороженно, будто бы ожидая от нее некоей пакости. — Неужели полагаешь, что ее не узнают? Не ты один был хорошо знаком с этой... особой...

Особой.

Ныне имя Матрены Саввишиной предпочли забыть, так забудут и лицо, и прочее, что связано с ней. В воле людской вытеснять из памяти неприятные моменты бытия.

— Не понимаю, о чем ты...

— Она умерла. — Третьяков отступил. — Слышал?

— Нет.

И сие было правдой. Увлеченный работой, Крамской порою вовсе выпадал из круговорота светской жизни с ее сплетнями и новостями, столь переменчивыми, что уследить за ними всеми вовсе не представлялось возможным.

— Тогда я тебе говорю. Она умерла... не доехала до дому.

— Жаль.

Жалости не было, разве что сожаление, и то легкое, необязательное. Так сожалеют о красивой чашке, которая дала трещину, или об вещи иной...

— А графиня слегла...

Вот об этом говорили все.

— Возраст. — Крамской пожал плечами. — Годы еще никому не приносили здоровья.

— Поговаривают, что ее проклинали...

— Пустое.

— А у него чахотка...

– Случается. – Болезнь сия была неприятною, но частою, чему немало способствовал сырой климат Петербурга. И неплохо бы вывезти Сонечку с детьми на море... Именно, чтобы солнце, воздух свежий, тот особый, пахнувший близостью моря... Всем пойдет на пользу.

– Амалия скоропостижно скончалась... сердце.

– Печально. – Разговор этот становился неприятен, да и примереилось вдруг, что женищина на картине, уже не Матрена Саввишина, но иная, имени своего не имеющая, смотрит на создателя со злою насмешкой.

С предупреждением.

– У многих в этот год... случилось всякое. – Третьяков убрал лорнет. – Провидение иногда воздаст по заслугам...

Он отвернулся от картины.

– Извини, но... Я не хочу вспоминать эту историю.

Крамской не нашелся, что ответить.

Он был удивлен.

Поражен.

Возмущен, пожалуй, поскольку обманут в наилучших надеждах своих. И кем?! Другом... поклонником, утверждавшим, что в жизни своей имеет одну цель – собрать все полотна в галерею, а тут...

– Ты не купишь ее?

– Нет. – Третьяков уходил. – Не спорю, она хороша... великолепна. Быть может, она лучшее из того, что ты создавал, но... я и вправду не хочу вспоминать.

Вот же... глупец.

И все равно картину купят, найдутся желающие... Желающих всегда имелось в достатке... Что же до проклятия...

Чушь... Совпадения, не более того...

«Неизвестную» и вправду купили, конечно, сумму удалось выручить куда меньшую, нежели Иван Николаевич рассчитывал, однако полученных денег хватило, чтобы вывезти семью к морю.

И, глядя на счастливую Сонечку, Иван Николаевич подумал, что поступил верно...

...кто мог знать, что это лето, солнечное, яркое, будет последним счастливым летом его семьи? И года не пройдет, как один за другим слягут от неизвестной болезни сыновья, чтобы сгореть в лихорадке. Не помогут им ни доктора, ни старуха-шептуха, которую приводит, отчаявшись, Софья.

Та, проведя ладонью над пышущим жаром лбом, отпрянет.

Перекрестится.

– Судьба такая, – скажет, отведя взгляд. – Проклятье...

И тогда-то вдруг вспомнится насмешка в черных глазах женищины, которой на самом деле не существовало...

Уже на похоронах, оглушенный горем, бескрайним, безбрежным, он вдруг воочию увидит другое кладбище, при селе Миленино.

Могилку с потемневшим от частых дождей крестом.

Табличку, имя на которой стерлось почти... и женищину, ту женищину, чья судьба оказалась столь переменчива. Вспомнится и письмо, и огонь в камине.

Ах, если бы можно было все изменить.

Начать все сначала.

Глава 1

Встреча выпускников. Илья никогда не испытывал любви к подобного рода мероприятиям. Двадцать пять лет, конечно, срок изрядный, но... странно, что его вообще пригласили.

Он поднял воротник пальто.

В конце концов, никто не требует у него присутствовать на всем мероприятии. Концерт отсидит как-нибудь. Поулыбается тем, кто якобы рад его видеть. Опрокинет стопку.

Закусит бутербродом. И откланяется.

Вообще не стоило соглашаться, но Танька проявила просто нечеловеческую настойчивость. Она всегда-то была упрямой, и упрямство это с успехом компенсировало недостаток ума. Какой она стала? Постарела, погрузнела, обзавелась вторым подбородком и складками на боках? Волосы небось по-прежнему красит под блондинку, только теперь волос стало куда меньше...

Илья помотал головой.

Ну ее... не хватало... Прибыть и отбыть, вот и вся его задача. Случались в жизни Ильи и куда более неприятные мероприятия. Ничего. Выдержал. И это выдержит, и думать нечего.

Здание школы показалось из-за поворота.

Серое, приземистое, оно пряталось за тощей оградой тополей и ныне вовсе не казалось зловещим, скорее уж усталым. Окна слепые. Широкая лестница. Ступеньки оббитые...

Неистребимый запах пирожков.

Илья поморщился. Пирожки ему есть запретили.

Язва.

А с язвою не шутят. Но запах... Рот наполнился слюной, вспомнились вдруг те самые пирожки, с лоснящеюся масляной корочкой, с начинкой, которая имела отвратительное обыкновение прорываться откуда-то сбоку, обжигая пальцы, а то и на пиджак падая.

– Илья!

Он обернулся на оклик.

– Ты ли это? Сколько лет, сколько зим... Господи, я уже и не надеялась, что ты и вправду придешь!

В фойе сумрачно, и в сумраке этом приходится шуриться, чтобы разглядеть женщину. По голосу Илья Таньку сразу узнал. А она, по-прежнему фамильярна, вцепилась в руку, потянула.

– Наши уже почти все! Кроме Сверзиной. Представляешь, в Канаде теперь обретается... Что-то там то ли изучает, то ли продает... Кто бы мог подумать. У нее ж ни рожи ни кожи, а она в Канаде живет!

Танька изменилась, но не так, как Илья придумал.

В полумраке ей можно было дать если не восемнадцать, то всего-то двадцать восемь. Кукольное округлое личико с широко распахнутыми глазами. Ушки аккуратные. Серьги в них тоже аккуратные и стоимости немалой. Почему-то ему вдруг стало невероятно любопытно, откуда же она, Татьяна Косухина, взяла денег на эти вот серьги. И на цепочку витую с кулоном... Помнится, такой кулон Илье показывали в одном каталоге с явным намеком, который сам Илья предпочел за лучшее не увидеть.

– И Вязелев... но он умер. Жуть, да? Еще сорока нет, а уже... сердце... но он всегда жрал без меры, за собой не следил. Вот ты, Ильюшка, сразу видно, человек правильного образа жизни.

Она говорила и тянула куда-то в глубины школы, не к актовому залу, который, как Илья помнил, располагался на втором этаже.

– А концерт...

– Ерунда. – Танька легко отмахнулась. – Или ты и вправду посмотреть на это хочешь?

Илья не хотел.

– Все наши в классе собрались, только тебя ждем... так вот... а Маздина не приехала. Дети у нее... Тоже мне, многодетная мамаша. Кто бы мог подумать?

Маздина... худосочная, задумчивая.

Кажется, она моделью стать собиралась. Или нет? Ваську Вязелева Илья помнил распрекрасно, толстого и вечно пребывающего в меланхолии. Васька носил в портфеле бутерброды, завернутые в газету. И на каждой перемене разворачивал их, жевал медленно.

Танька потянула наверх.

Каблучки ее туфелек, аккуратных, как сама Танька, цокали по ступенькам. И звук этот заставлял Илью вздрагивать.

– Смотрите, кого я привела! – Она распахнула дверь в класс. – Теперь все на месте!

Таньке ответил нестройный хор.

А Илья зажмурился: слишком резким был переход между сумрачным коридором и ярким классом. Лампы здесь горели длинные, дневного света, и шелестели при том очень знакомо.

Следующие два часа прошли в разговорах. Как в разговорах, скорее уж в монологах. Илья слушал. Кивал. Сам на вопросы отвечал сухо, не потому, что было в его жизни что-то тайное, скорее уж он прекрасно понимал, что не интересна эта жизнь никому, кроме него самого.

Танька хохотала над шутками Владика, который постарел, полысел и обзавелся круглым брюшком. Жался в темный угол Пескарин, прозванный Пескарем за страсть к рыбалке. Мрачно поглядывали друг на дружку Марго с Ленкой, а ведь когда-то неразлейвода были...

Стало муторно.

Душно.

И Илья тихо вышел из класса, если вдруг спросят, то покурить. Самому стало смешно, сороковник на носу, а он боится сказать правду, что не интересно ему здесь.

Курить и вправду охота была.

И вспомнился вдруг закуток, на который выводила пожарная лестница, и что замок на ней дрянной был, его приловчились открывать булавкой. Булавка у Ильи имела, для галстука, и, как выяснилось, подошла к замку неплохо.

Дождило. И дождь был мерзким, мелким и холодным. Куртка же осталась в классе, но возвращаться за ней Илья не стал: непременно прицепится кто-нибудь с вопросами или воспоминаниями.

Уж лучше так.

Курил он, наслаждаясь вкусом табака, тишиной, которая продлилась недолго. Скрипнула дверь, предупреждая.

– Ты тут? – спросили Илью сильным голосом. – Тут... Привет, Ильюха, хрен тебе в ухо!

И заржали. В темноте было не различить человека, лишь фигуру и ту размытую, неловкую какую-то. Донесся запах табака и перегара.

– Узнал?

Фигура выбралась на площадку, а здесь и в лучшие-то времена с трудом два человека умещались.

– Генка я! Генка Геннадьев! – Фигура ударила Илью в бок. – А ты изменился... Весь такой из себя, прямо-таки на кривой козе не подъедешь. Что, забыл старого приятеля?

Этого забудешь... После всего, что он сделал.

– Закурить дай, – потребовал Генка. И когда Илья протянул портсигар, присвистнул. – Ишь ты... устроился... Все наши только и треплются, как Ильюшка высоко взлетел... Вон, Танька вокруг тебя круги нарезает, вся такая вырядилась... с-стерва.

Генка сплюнул. А сигареты выгреб все, без стеснения. Рассовал по карманам дрянной куртки, похлопал.

– Ты себе еще купишь, а у меня на нормальное курево денег нет.

Это не было извинением, Генка никогда не умел извиняться, скорее уж вызовом, который Илья предпочел проигнорировать.

– Эх, жизнь несправедлива. – Генка закурил, облокотившись на хлипкие перила. – Одним в ней все, другим ничего... Кто бы мог подумать, Ильюшка, что ты так высоко поднимешься, а? Никто.

И сам Илья прежде всего.

– Ты ж даже отличником не был...

А Генка был.

Как он умудрялся-то со своим паскудным характером, с привычкой влезать во все дела, даже если дела эти его совершенно не касались, с мамашей-истеричкой, что бегала в школу каждую неделю, доводя Марию Петровну до головных болей... и ведь не за мамашу пятерки ему ставили, не за отца, в гастрономе директорствовавшего, но за собственные заслуги.

– Значит, бизнесмен?

– Да, – сухо ответил Илья, подумывая о том, как бы половчей уйти от разговора.

– И как бизнес?

– Спасибо, хорошо.

Денег просить станет? Или предложит партнерствовать? Поучаствовать в гениальном проекте, который всенепременно доход принесет, и в самом скором времени.

– Это хорошо, что хорошо... Слушай, Ильюха, есть у меня к тебе одно дельце... выгодное...

– Для кого?

– Для тебя, дурня, выгодное. Считаю, сам бы мог, но по старой дружбе...

...не было никогда этой дружбы. Правда, одно время Илья считал иначе.

– ...короче, вкладываешь копейку, а получаешь рубль. Даже нет, вложишь каких-то тысяч пять... не рублей, конечно. А получишь сотни тысяч. Или даже миллионы...

Генка докурил. И окурок выкинул вниз, вытянул шею, глядя, как падает рыжая искра. А после и плюнул вдогонку.

– Меня это...

– погоди. – Генка вцепился в рукав. – Ты дослушай... знаешь, кто я?

– Генка...

– Да нет. Я искусствовед. Кандидат наук, между прочим...

– Поздравляю.

– Было бы с чем. Следовало в медицину пойти, а не мамашу мою слушать... при искусстве... с этого искусства что с козла молока толку. Но дело в другом... Короче, есть одна наводка, верная... Про Крамского слышал?

Илья пожал плечами: не было у него времени на искусство.

– «Неизвестная»... Да что с тобой, ограниченный ты человек, Ильюшка. Короче, картина эта знаменитая. В Третьяковке висит.

– Украсть предлагаешь?

– Хорошо бы, да ты на такое не пойдешь... я по ней работу писал. Если вкратце, то до сих пор спорят, кого там Крамской изобразил. И есть одна версия... Я ее проверил. Дал себе труд.

– Молодец.

– Не язви, Ильюша, тебе не идет... Короче, нашел я еще одну... незнакомку. – Он хохотнул. – Крамского. Неизвестный вариант. Представляешь, какая это будет бомба?

Илья не представлял и представлять не желал.

– Она у одного типа... Он свято верит, что ее писал его дед. Пять штук евро просит, паскуда... Я его и так уламывал, и этак, а он ни в какую!

Генка вновь сплюнул.

– Я уж думал, что кредит брать придется, а тут Танька звонит, что, типа, все наши будут... и ты с ними. Нет, прикинь, какая удача?

– Не для тебя.

– Чего? Ильюшка, ты что? За старое дуешься? Брось, сколько лет прошло... Нельзя быть таким злопамятным.

Наверное, нельзя. Или все-таки можно? Да только не в прошлом дело, а в нелепости этой его теории. Крамской. Картина неизвестная... Легкие деньги, которые сами в руки идут.

– Ген, мне жаль, но я денег не дам.

– Жлоб ты, Ильюшка... – беззлобно произнес Генка. – Смотри, сам себе локти потом кусать будешь.

И посторонился, пропуская.

Надо же, Илья и не рассчитывал отделаться от него так легко.

Дверь вдруг открылась. И светом плеснуло в глаза, заставляя зажмуриться.

– Вот вы где, мальчики, – раздался нарочито-веселый Танькин голосок. – А я вас обескалась уже!

– На кой...

– Геночка, будь паинькой, не ругайся. Ильюшечка, ты уже покурил? А то мы там...

– Покурил, – ответил за Илью Генка. – Так накурился, что из ушей скоро закапает.

И хохотнул.

Теперь Илья увидел его лицо, одутловатое, некрасивое. Волосы подстрижены кое-как, да и то глядятся сальными. Уши оттопыренные торчат. Выделяется хрящеватый нос и узкие губы. Вялый рот с отвисшею нижней губой. А ведь когда-то... Нет, нельзя было назвать Генку красавцем, но было в нем что-то этакое, притягательное, что заставляло девчонок млеть и искать Генкиного общества.

– Смотри, Ильюшка, не доведет она тебя до добра!

– Не слушай, – фыркнула Танька, повиснув на руке. – Вечно он болтает, не думая... господи, кто бы мог подумать, что наш Геночка станет этаким убожеством... А помнишь?..

– Помню, – отрезал Илья, перебивая ненужный выплеск воспоминаний. Неужели ей и вправду доставляет удовольствие копаться в памяти, вытаскивать какие-то нелепые, не нужные никому эпизоды?

– Слу-у-ушай, – протянула Танька, которая не собиралась отпускать руку Ильи. – А ты и вправду стал таким...

– Каким?

– Солидным. Женат?

– Нет.

– Но был?

– Был.

– Развелись?

– Да.

– Ильюшенька, не будь букой. Мне же любопытно! И вообще, здесь все свои...

Эту нелепую мысль ему внушали класса с пятого, Илья верил. Глупым был. А в выпускном выяснилось, что своих вовсе нет, но есть разные.

Всекие.

– Я вот не стесняюсь признаться, что развелась... Господи, он был таким... Когда-то влюбилась, просто с разбегу! И казалось, что жизни без него быть не может. Поженились... жили... я ему бизнес строить помогала. А когда выстроила, то оказалось, что я вовсе ему не нужна. Помоложе нашел. И ладно бы гульнул, все гуляют...

Танька затащила на второй этаж.

Здесь было тихо. То ли чужие встречи уже закончились, то ли вовсе не начинались, что тоже было вполне возможно. Главное, что тишина эта Илье нравилась. А Танька – нет.

– Так эта стерва умудрилась залететь. – Танька плюхнулась на продавленный диванчик и ноги вытянула. Ноги были хороши, и Танька об этом знала. – А мой, как услышал, так сразу себя папочкой вообразил... и разводиться начал... поначалу я еще надеялась, что образумится. А потом... Думаю, на кой ляд мне нервы мотать? Любви-то особой нет...

– А дети?

– И детей нет... Слушай, Ильюшенька, может, посидишь тут, а я за шмотками нашими смотаюсь? Если, конечно, ты не собираешься и дальше...

– Не собираюсь.

И вправду, уходить пора, только надо бы еще придумать, как от Таньки отделаться. В разводе и, стало быть, в поиске. Или даже полагает, что отыскала того, кто способен удовлетворить ее запросы. Слов не поймет. Намеков не услышит. Танька всегда слышала лишь то, что хотела... и уйти ушла, обернулась на пороге.

– Не шали. Скоро вернусь.

Шалить Ильа не собирался, он встал – диван был жутко неудобен – и прошелся по коридору, останавливаясь перед каждой дверью.

Помнит ведь.

И небольшое это фойе... и диваны, правда, двадцать лет тому они были роскошью, поставленной в школе директором мебельной фабрики, сыну которого требовалась золотая медаль... Вручили ли? Ильа не помнил. А вот диваны на каждом этаже – прекрасно. И завуч, которая бегала с этажа на этаж и шипела на всех, кому вздумалось бы на диваны присесть.

Они для красоты.

И для проверяющих.

Для них же кованые подставки для цветов. И сами цветы, почетная обязанность по поливу которых ложилась на плечи дежурных. Дежурные мрачнели и старались от этой обязанности откосить.

Иногда получалось.

Как бы там ни было, но школьные цветы в воспоминаниях Ильи имели вид печальный, обреченный даже... А стойки другие купили, до самого потолка. И цветов стало больше. Из-за них он и не сразу и заметил, что в фойе он не один.

– Извините, – произнес Ильа, разглядев в темном углу темный же силуэт с желтым пятном планшета.

– Это вы меня извините, – ответили ему, и силуэт поднялся. – Мне стоило дать знать о своем присутствии. Неудобно получилось...

Он ее помнил.

Смутно.

Долговязая. И волосы все так же стягивает в конский хвост. Правда, теперь на ней не шерстяное коричневое платье, а джинсы и просторный свитер, но так даже лучше.

– Будто я подслушала ваш разговор...

Она смутилась. Точно. Она всегда легко смущалась и держалась в стороне ото всех, потому что была слишком высокой и тощей, чтобы соответствовать прежним канонам красоты. Каланча.

А звали-то как... прозвище вот в памяти сохранилось, имя же... каланча-каланча...

– Вера, – представилась она.

«Верка-каланча... дай два калача»... Дурацкая фраза, напрочь лишенная смысла, а когда-то была едва ли не вершиной поэтической мысли...

– Ильа.

– Я вас помню. Вы мало изменились.

– Вы тоже.

– Такая же тощая и длинная? – В сумраке не разглядеть лица, но Илье показалось, что Вера улыбается.

– Да. А я... Неуклюжий и мрачный?

– Не мрачный, скорее сдержанный.

Напросился на комплимент, называется. А и... пускай себе напросился.

– Прячетесь? – спросил Илья.

– Прячусь, – не стала отрицать очевидного Вера. – Вообще не понимаю, зачем сюда пришла...

– Как и я... Танька умеет быть настойчивой.

– И это правда. – Вера убрала планшет в сумочку. – Явилась... сижу вот... время теряю попусту... Надо бы домой, но одежда наверху и как-то вот... неудобно.

Именно. Неудобно. Потому что если подняться, то всенепременно кто-то пристанет с разговорами... или заведут речь о том, что встречу надо бы продолжить в ресторане. И кто-то будет пьян, кто-то зол, главное, отделаться от всех не выйдет.

– На диване вам удобнее будет, – нейтрально произнес Илья, потому что молчание затягивалось, и пауза эта раздражала.

А Танька куда-то сгнула.

Никак отвлекли.

– Наверное, но я...

– Прячетесь.

– Да. – Она все же рассмеялась тихим смехом. – Генка прицепился.

– И к вам тоже?

– Да. – Она все же выбралась из своего закутка. – А что, и вас...

– Предлагал поучаствовать...

– И денег просил?

– Именно. И у вас...

Странно быть на «вы» с человеком, с которым одиннадцать лет знаком был.

– Пять тысяч евро, – сказала Вера. – Я не дала.

– И я...

Снова молчание. Время тянется. Илья слышит, как тикают часы. В темноте только и виден, что белый их циферблат... Наверняка полночь близко.

– Хотите, я вашу куртку принесу? – Ожидание сделалось невыносимым. – А то и вправду пора уже честь знать...

– Хочу, – не стала кокетничать Вера. – Она такая... кожанка коричневая. Без воротника. Но с замка свисает брелок-дракон.

Надо же.

Брелок.

Дракон... у Верки-каланчи... Она до сих пор стесняется того прозвища, и поэтому сутулится, или просто уже в привычку вошло, и она не замечает за собой этой сутулости.

Спрашивать Илья не стал.

Вышел.

И поднялся по лестнице. Замер... Из-за первой двери, кажется, там был кабинет истории, доносились голоса.

– Послушай... ты не понимаешь! Это же сотни тысяч... миллионы! Да такие находки переворачивают весь мир! – Генка говорил страстно, пусть и язык его несколько заплетался. – Я же немного прошу... и увидишь, все вернется...

Мимо двери Илья прошел на цыпочках, хоть от такой предосторожности самому смешно было. Нашел кого бояться.

А в классе было пусто. Почти. Дремал за столом Васечкин и, когда дверь открылась, встрепенулся, уставился на Илью сонными глазами.

– Ты...

– Я.

Таньки нет. И одежды ее тоже нет... Значит, исчезла со всеми, нашла себе другую цель, решив, что Илья слишком неподатлив?

– А где все? – поинтересовался Илья.

– Так... уехали... бухать уехали... а меня вот бросили. – Васечкин всхлипнул. – Все меня бросили... и ты, Ильюха, бросишь...

– Всенепременно. – Илья подхватил свою куртку, на рукаве которой обнаружил темное жирное пятно. И Верину кожанку.

– Ничего. – Васечкин всхлипнул и вытер придуманные слезы ладонью. – Я вам всем... Я вам всем покажу!

– Покажешь.

– Вы про меня еще услышите... – Он бухнул в грудь кулаком, а после вновь лег на парту и захрапел.

А в кабинете истории было тихо.

Илья поспешно спустился этажом ниже и куртку Верину протянул.

– Вот. Все уже уехали в ресторан.

– И нас опять забыли.

– Сожалеете?

– Радуюсь, – спокойно ответила она, куртку натягивая. – А Татьяна уехала?

– Похоже на то... А что?

– Странно.

– Что странного?

Танька всегда была в центре компании, а порой и во главе ее. И поездку в ресторан с продолжением банкета она не упустила бы.

– Мне казалось, что она всерьез на вас нацелилась. А тут вдруг... уехала... как-то это не по плану.

О каком она плане говорит? Да и не плевать ли? Распрощаться. Уехать. И выкинуть из головы и планы чужие, и этот испорченный вечер.

– Татьяна развелась, – терпеливо пояснила Вера, отвечая на незаданный вопрос. – И развод, насколько я знаю, был весьма болезненным. Она храбрится, но на самом деле... Факты несколько искажены.

Шаг у Веры был по-мужски широким.

– Ее муж был состоятельным человеком. И замуж она выходила по расчету. На некоторое время расчет оправдался... а потом случилась эта история. Подробности я не знаю, знаю лишь, что было несколько судов, и Татьяне удалось получить неплохие отступные. Но все равно, при ее образе жизни надолго не хватит...

– Откуда вы...

– «Одноклассники». «ВКонтакте»... Люди сами делятся информацией о себе. Правда, порой не осознают того, насколько личные вещи выкладывают в общий доступ.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Предупреждаю. Татьяна, может, и ушла, но вернется. У нее есть ваш номер телефона. И адрес, думаю, получить не проблема. Поэтому легко вы от нее не отделаетесь.

Вера замолчала, впрочем, надолго ее не хватило.

– Извините, это было не мое дело, но... Она умеет менять окрас.

Интересное выражение.

– Вас подвезти? – предложил Илья, когда удалось-таки выбраться из школы.

Холодный воздух пах сигаретами и еще водой, затхлой и грязной. От запаха этого мутило, а может, от сигарет, разговоров или бутерброда с дешевой колбасой.

– Подвези, – согласилась Вера, переходя вдруг на «ты». – Если, конечно, по пути.

Жила она, естественно, на другом краю города.

Здесь Илья бывал редко, да и что ему делать в районе новостроек, где башни многоэтажек стояли плотно, гляделись окнами друг другу в душу. Здесь даже на улице было тесно.

– Останови здесь, – попросила Вера, – там въезд не очень удобный.

– Давно здесь?

– Пять лет как... Спасибо, что подвез и...

– Погоди. – Илья сам не знал, что его дернуло. – На чай не пригласишь?

– А тебе и вправду чаю охота?

– Не отказался бы.

Желудок заурчал, и получилось неудобно.

– Тогда пойдем, – неожиданно легко согласилась Вера. – Заодно накормлю... и вообще, будем считать, что встреча выпускников продолжается.

Подниматься пришлось на седьмой этаж, и по закону подлости лифт не работал. Стоило бы отступить, но Илья, сам поражаясь собственному упрямству, карабкался вверх. Вера вот шла легко, видать, неприятности с лифтом приключались не в первый раз.

Квартирка ее оказалась не такую крохотной, как Илья представлял, но какой-то... не такой.

Не было в прихожей традиционного шкафа с зеркальными дверями. Зато имелась аккуратная вешалка. И стойка для зонтов.

Кому в квартире нужна стойка для зонтов?

Пахло здесь не пирогами, а книгами, такой специфический библиотечный запах, от которого свербело в носу. Илья чихнул.

– Кухня там, – указала Вера. – Если нужен туалет, то дальше по коридору. И ванна там же.

Ванна, выложенная черной плиткой, производила впечатление, мягко говоря, неоднозначное. Илья вот на такую не решился, хотя и уговаривали, обещая, что будет стильно. Может, и стильно, но неуютно.

– Мне она такой уже досталась. – Вера стояла сзади. – Я полотенце принесла. Свежее... Покупала квартиру с частично сделанным ремонтом. Сначала хотела переделать это... великолепия, а потом посчитала, во что это обойдется, и передумала.

– И как?

В черном глянце Илья видел свое отражение.

– Привыкла.

Дальше были посиделки на кухне. И разговор ни о чем, не о школе, о ней вспоминать не хотелось, но о жизни вообще...

Человек прятался.

Получалось легко. Сказывался, верно, немалый опыт. С грустью подумалось, что он, наверное, знает все укромные места в этой проклятой школе.

В каждом случалось побывать.

Но находили.

Раньше.

А теперь все иначе.

Хлопнула дверь, громко, выдавая чужое раздражение. И человек прижался к стене, надеясь, что за шторой его не видно. Шторы на школьных окнах висели старые, в пол... и в коридоре-то темно. Конечно. Темнота его укроет, а тот, кто вышел из кабинета, слишком занят собой, чтобы обращать внимание на тени.

– Ну, Генка... с-скотина... – Человек пнул стену и скривился.

Бессильная злость.

Беззубая.

Генку многие ненавидят, но только у человека хватит сил, чтобы облечь ненависть в действие. Он крепче сжал лом. Холодное железо нагрелось, но все равно близость его успокаивала.

Лом – это просто... Главное, не дать Генке уйти.

Тот, в коридоре, скрылся. И человек высунулся было, но тотчас отпрянул. Мимо, с куртками в охапке, прошел Илья... Тоже сволочь, думает, если при деньгах, то теперь стоит над всеми.

Наконец, стало тихо... и Генка что-то не выходит... Ладно, что не выходит... так будет проще. Первый шаг дался с трудом, ноги вдруг отяжелели, и сердце заухало, засбоило.

Дверь в кабинет истории отворилась беззвучно. И человек скользнул за порог. Прижался к стене... а все по-прежнему. Парты. Шкафы. На стенах – карты Древнего мира... Египет и Месопотамия... и еще Шумеры, кажется...

Генка стоял у открытого окна. Курил... и все-таки обернулся.

– Это ты? – узнал сразу.

– Я.

Лом отяжелел. И человек едва не выронил его.

– Чего надо?

Генка не боялся. Он так и не понял... Конечно, где ему понять, если он уверен, что сильнее прочих, что держит их в руках... Крепко держит, не вырвешься.

– Поговорить, – соврал человек.

– О чем нам с тобой еще говорить?

– О... картине...

– Плати. И будет тебе картина, – скривился Генка. – У тебя есть деньги? Нет, естественно. Откуда тебе? Ты же...

– Она моя. По праву.

– Ага... сейчас...

– Ты... Ты украл ее!

Руки дрожали. И колени. И ведь все так просто казалось... Подойти и ударить. Человек ведь готовился к этой встрече. Тренировался на кабачках и тыквах, представляя, что тыква – это не овощ желтый, а Генкина голова. Однажды и фотки разогнал, прикрепил поверху. По фоткам бить было – одно удовольствие. И тыквы проламывались с влажным звуком.

Хлюп.

Шлеп.

А вот теперь, когда надо просто ударить, он медлит...

– Хватит уже. – Генка повернулся спиной. – Твое нытье мне надоело...

Бить в затылок куда проще.

Только размахнуться как следует не получилось. Но Генкин череп все равно хрустнул. Негромко. Не как тыква. А Генка засипел и падать начал, в проход между партами. И повалился, раскинув руки, а руки эти дергались, будто Генка собирался добраться до своего обидчика.

Отомстить.

И человек поспешно нанес еще удар... и еще... Он бил, пока отяжелевший лом не выпал из рук, и только тогда очнулся, поразился тому, что потерял поддержку.

А если вдруг кто-то...

Никто.

Ушли все... и он уйдет. Уже уходит. Лом он оставит перед входом в класс.

Пусть все видят.

Пусть...

Никто не догадается, у Генки хватало врагов... а человек... Теперь он будет свободен. Если же найдет картину – он не сомневался, что найдет, потому что умен, умнее Генки, – то и богат.

Глава 2

Домой Илья вернулся в третьем часу ночи. А в половине девятого позвонила Танька.

– При-и-вет, а ты спишь?

– Сплю, – мрачно ответил Илья, который и вправду спал, ко всему надеялся спать еще долго, как минимум до полудня, а потому звонку не обрадовался.

– Вставай, Ильюшенька. – Татьяна засмеялась. – Слышал, кто рано встает, тому бог дает...

– Чего тебе?

– Соскучилась.

– Танька, брось. Или говори, что тебе надо, или проваливай...

– Ты Генку не видел?

– Чего?

Вот этого вопроса Илья не ожидал.

– Нет.

– Ну вы же с ним вчера говорили. – Танька исчезать не собиралась.

– И что?

– Так его больше никто не видел...

Илья сел.

– И что? – повторил он.

– Ничего... Ильюшенька, вспомни...

– Тань. – Вспоминать было нечего. – Мы покурили. Потом ты пришла. И мы вместе убрались, если запамятовала. А Генка остался на балконе. Больше я его не видел.

Слышал. Но если упомянуть, то Танька за это упоминание ухватится.

– Ну ладно, – с сомнением протянула она. – Просто Генка упоминал, что тебя найти собирается... и я вот подумала, может, нашел...

– Зачем он тебе?

– Да... так... об одном деле собирались поговорить...

– Уж не о том ли, с картиной?

Танька замолчала.

Жаль, что лица не видать, Илья не отказался бы поймать этот момент. Она обижается? Или зла? Или раздражена только? Недоумевают?

– Он и тебе предлагал? – осторожно уточнила она.

– Предлагал.

– А ты?..

Илья с трудом подавил зевок.

– Отказался.

– Да? – Теперь сомнение в ее голосе было явным.

– Танька, послушай, я, конечно, не знаю, что за дела у тебя с Генкой, и вникать, честно говоря, мне лень. Но вот... Вся эта затея его выглядит мутной.

– Он эксперт...

– Ага, такой, который наваяет ту экспертизу, что ему самому выгодно. Сама послушай... Неизвестный шедевр, близкие деньги... Танька, ты же помнишь, чем закончились наши с ним близкие деньги? Не повторяй моих ошибок. В лучшем случае просто на бабки влетишь.

– Ты с ним все-таки договорился. – А вот сейчас Танька злилась, и явно.

– Ни с кем я не договаривался. И Тань, остынь уже...

Илья отключился. Попробовал уснуть, но не получилось. Голова была тяжелой, да и неприятное ощущение близкой беды не отпускало.

Что опять?

Не надо было идти вчера... Чего дома не сиделось-то?

Следующий звонок раздался ближе к обеду.

– Илья? – осторожно поинтересовался женский голос. – Это Вера. Мы вчера с тобой чай пили...

– Привет.

Слышать Веру желания не было. Да и вновь с нею встречаться, потому как вчерашний день остался в прошлом, а сегодняшний диктовал совсем иное поведение.

– Извини, что беспокою, но такое дело... Генку убили.

– Что?

– Ко мне сейчас приходили из полиции, спрашивали про вчерашний вечер. Про Генку. И про тебя тоже... и очень удивились, когда я сказала, что мы с тобой чай пили в два часа ночи... По-моему, у них на тебя планы.

Генку убили?

Сердце екнуло. И застучало быстрее. С ним, с сердцем, такое случалось, когда Илья испытывал стресс. И доктор настоятельно рекомендовал по этой самой причине стрессов всячески избегать. Правда, рекомендация эта была неисполнимой, но вот...

– Спасибо.

– За что? – удивилась Вера.

– За то, что предупредила.

Предупрежден – значит, вооружен. Точнее, ничего это не значит, потому что нужны подробности... Может, пора звонить адвокатам? Или это только убедит полицию в виновности Ильи? Мысли метались, были сумбурны, и потому звонок в дверь заставил Илью вздохнуть с облегчением.

Сейчас все прояснится, а если не все, то многое.

– Доброго дня. – За дверью обнаружился невысокий тип в сером пиджаке и мешковатых джинсах. Джинсы успели пропылиться, как и белые франтоватые кроссовки, которые с физиономией типа нисколько не вязались.

– Доброго.

– Олег Петрович Волчко, – представился тип и корочки красные раскрыл. – Хотел бы с вами побеседовать о вчерашнем вечере. Можно?

– Проходите.

Разуваться Олег Петрович не стал, а Илья не решился настаивать.

Говорили в гостиной. Верней, говорил лишь Илья, а Олег Петрович слушал внимательно, что-то черкал в черном блокнотике, но вряд ли заметки делал. На лице Олега Петровича застыло выражение величайшей тоски, и Илья не мог отделаться от ощущения, что и визит этот, и само дело гостя его тяготят.

– Значит, вы утверждаете, что отказали потерпевшему в его просьбе? – уточнил Олег Петрович.

– Отказал.

– Он настаивал?

– Нет...

– Почему?

– А я почему знаю? Может, другого спонсора нашел... Да он, по-моему, ко всем пристаивал...

– Нет, почему вы отказали?

– А я должен был согласиться?

Глаза у Олега Петровича были круглыми, по-совиному выпуклыми, и виделось в них что-то этакое, недоверчивое, будто бы наперед знал Олег Петрович, что лжет собеседник, но в характере своем не имел обыкновения ложь изобличать.

– Это хорошее предложение...

– Бросьте, – перебил Илья, раздражаясь. – Какое предложение? Купить за пять тысяч евро картину? Якобы Крамского? Якобы чудом сохранившуюся и не найденную другими искусствоведами? Да вся эта история белыми нитками шита!

Олег Петрович склонил голову набок, и сходство с совой усилилось.

– То есть вы полагаете, что ваш приятель...

– Придумал очередную аферу для дураков. А что... Очень удачно. Найти копииста. Заплатить. Потом еще кого-то, кто выдаст себя за хозяина... и, главное, найти идиота, который откроет кошелек, желая славы и быстрых денег. Допустим, я бы согласился. Готов поспорить, что цена выросла бы вдвое. Или втрое. А то и больше. Это же Крамской! И обнаружился бы другой покупатель, тоже заинтересованный... но я в азарте. Как отступить, когда состояние само в руки плывет. Да и что такое двадцать тысяч? Выложил бы. Нашел бы. И картину получил бы... а потом, конечно, пришлось бы проводить независимую экспертизу. И уж она-то выявила бы, что картина принадлежит вовсе не Крамскому... В лучшем случае, кому-то из учеников или подражателей. В худшем, но куда более вероятном, современная подделка. Генка развел бы руками. Он не виноват. Сам был обманут... Якобы хозяин исчез бы, конечно. И кому жаловаться, когда все законно?

Илья замолчал, поняв, что выдохся.

А Олег Петрович захолопал, вялые аплодисменты. И видится в них та же насмешечка.

– Эх вы здорово все расписали... Редкостное здравомыслие.

– Да уж...

– Большинство людей, стоит поманить быстрыми деньгами, мигом теряют голову. Я рад, что вы не из таких... Значит, потерпевшему вы ответили отказом, и он отправился искать других... спонсоров. А было кого искать?

Илья задумался.

– Вера... Он с ней беседовал. Татьяна еще... Она сегодня с утра Генку искала.

– И нашла. – Это Олег Петрович произнес тоном печальным, сетуя, что отыскалась гражданка столь сознательная, которая взяла и нашла потерпевшего. – Она и заявила об убийстве.

– А что с ним?..

Возможно, поспешила Танька, у нее всегда воображение не в меру живым было. И нет никакого убийства, а есть несчастный случай.

– Голову размозжили. Ломом.

Что ж... на несчастный случай это не похоже.

– И думаете, что это я? – Возмущение получилось вялым, наигранным, наверное, потому как возмущения Илья не испытывал, только вяловатое удивление: неужели и вправду Олег Петрович и та организация, воплощением которой он является, полагает, что Илья на убийство способен?

– Мы разрабатываем все версии, – дипломатично заметил Олег Петрович, а Илья ему тоже не поверил.

– Когда он умер?

– Между полуночью и двумя ночами.

– Тогда у меня есть алиби. – Какой-то нелепый разговор, будто бы Илья не защищается, а играет в подозреваемого, точно так же, как Олег Петрович играет в сыщика. – Я был не один!

– Да, да, нам сообщили.

Опять это едва заметная фальшь.

– Значит, вы покинули школу в пятнадцать минут первого?

– Да. Наверное. То есть, я на часы не смотрел...

– А она посмотрела. – Сейчас вот Олег Петрович был возмущен данным фактом до глубины души, но исключительно потому, что факт этот рушил столь замечательную версию, а заодно уж лишил следствие удобного подозреваемого. – И пробыли у нее до без четверти три... Чем занимались?

– Чай пили. Говорили.

– О чем?

– О жизни... ее, моей...

– Интересно выходит. – Олег Петрович подался вперед и уперся локтями в колени. – Вы находите старую знакомую, с которой в школе даже не притеснялись, не говоря уже о дружбе...

...а это он откуда знает?

– ...и решаете с ней уединиться... для разговору. О жизни. Подозрительно это выглядит. Это ведь вы предложили ее подвезти. А потом на чай напросились. Можно сказать, привязались к женщине...

– Чтобы алиби себе обеспечить?

– А разве не так?

– И как, помилуйте, я бы убил Генку?

– Ломом. По темечку. – Олег Петрович потер руки. – Вы ведь не до полуночи уехали, а после... и главное, что вы поднимались за верхней одеждой. И отсутствовали около десяти минут. Следовательно, сугубо теоретически вы имели возможность лишить потерпевшего жизни.

Бред!

Он ведь это не серьезно?

Или как раз-то серьезно и настало то самое время, приглашать адвокатов?

– Значит, ломом по голове? И откуда этот лом взялся?

– Из подсобного помещения. Школьный инвентарь.

– Подсобка находится на первом этаже. И в прежние времена всегда была заперта.

Не то чтобы за серой дверью хранилось что-то ценное, интересное, но завхоз пребывал в уверенности, что только амбарный замок способен спасти школьное имущество от вандализма.

– Мне пришлось взломать замок, взять лом, потом подняться... найти Генку. Огреть его по голове... убрать лом, сходить за верхней одеждой. Спуститься к Вере... и на все ушло десять минут? Я бы не успел.

Олег Петрович улыбнулся, правда, улыбка эта была вялой, но виделась в ней снисходительность к собеседнику и нелепым его теориям.

– Допустим, лом вы могли изъять намного раньше. Припрятать где-нибудь... Потерпевшему назначить встречу. Он искал спонсора, а потому явился бы всенепременно. Вот и искать не пришлось. А дальше просто. Поднимаетесь наверх. Прихватываете лом. Убиваете. Идете за одеждой. Спускаетесь и уходите...

Звучало на редкость бредово. И при всем том правдоподобно. Илья даже увидел себя с ломом в руках...

– Чушь... все равно чушь. Зачем мне его убивать!

– Ради картины.

– Какой картины? Не существует никакой картины, я уверен... это очередная Генкина афера! У него всегда аферы замечательно удавались. В восьмом классе он собирал у всех наших девочек деньги на литовскую тушь... по пять рублей. И они приносили, никуда не девались. А потом выяснилось, что тушь привезли, но вовсе не литовскую, а обыкновенную, которая в каждом магазине была. И Генка перед всеми извинялся, только денег не вернул. А в девятом

классе он организовал подписку на книги дефицитные. У него же отец был со связями... и ему поверили! Проклятье, ему почти всегда верили!

А вот теперь злость была, и яркая, ничуть не придуманная.

Подавленная.

– Вас это раздражало?

– Нет. Мы... одно время приятельствовали.

– Пока не приключилась одна история...

...и о ней знает?

Откуда?

Или... Танька, конечно... Искала Генку, звонила... а потом труп нашли, и Танька, естественно, решила, что Илья его... Почему естественно? А Таньке всегда в голову всякая чушь лезла, для иного ее голова была не предназначена.

– Не хотите рассказать, Илья Владимирович?

Илья не хотел, но ведь не отступят. И главное, если промолчать, то останется у Олега Петровича одна версия, Танькой преподнесенная, а она всегда мешала факты с собственными фантазиями.

Илья вздохнул:

– Мы были в выпускном классе... Генка собирался учиться дальше, у него неплохо получалось. Как неплохо... Круглый отличник. Голова всегда работала замечательно. И знаете, обычно отличников не любят, дразнят заучками, но Генка был особенным.

Илья прекрасно помнил их знакомство.

Свой переезд к тетке, которая племяннику совершенно не обрадовалась. У нее не было своих детей, как не было и мужа, и за годы тетка привыкла к одиночеству, теперь вот разрушенному.

Было тяжело.

И потому новая школа стала лишь малой частью неприятностей Ильи.

Школа была обыкновенной, среднестатистической и построенной по типовому проекту. Да и все прочее в ней было типовым. Хмурые заучи. Директриса, пред ясные очи которой попадать не рекомендовалось. Учителя, каждый со своими тараканами.

Одноклассники.

– Это Илья, – представила Илью классуха. – Он сирота. И будет учиться с нами.

А потом ушла.

Она придерживалась мнения, что детям не следует мешать.

– Ильяха... хрен тебе в ухо, – первым заговорил белобрысый пацанчик, который Илье сразу не понравился. Вот чуял он, что от этого пацанчика ничего-то, помимо неприятностей, ждать не следует. А неприятностей у Ильи и без того хватало.

Меж тем пацанчик сел на парту.

– Откуда ты?

– Из Москвы.

– О... Из столицы, значит? – Пацанчик сплюнул на ладонь и Илье протянул руку для пожатия. Испугать думал? Илью такой фигнею не напугать. И руку он пожал.

– Оттуда.

– А я Генка...

После того разговора Генка словно бы разом утратил интерес к Илье. Некоторое время его не замечали... Наверное, это было даже хорошо. Илья привыкал. К городу. К тетке. К школе этой. Вообще к жизни, которая вдруг перевернулась с ног на голову.

Генка вспомнил об Илье двумя годами позже. И случилось это, как у него бывало, неожиданно. Просто Генка однажды явился утром в классе и подошел к Илье.

– Я с тобой сяду. – Не спросил, но поставил перед фактом. И когда Васятка, паренек тихий, незлобивый, а потому к школьной жизни не приспособленный, попробовал возразить, Генка отвесил ему затрещину и сказал: – Брысь.

Васятка и убрался.

Классуха сделала вид, что перемен таких не заметила. Прочим учителям то ли и вправду все равно было, то ли опасались они с Генкой связываться. Как бы там ни было, но первый день прошел в напряженном молчании. Илья отчаянно пытался понять, что же Генке от него надо. А тот не спешил заговаривать.

Как и на второй.

И на третий.

А на четвертый сказал:

– Айда ко мне.

– Зачем?

– Просто так. – Генка пожал плечами. – Посидим. Телек посмотрим. Пожужим чего... или тебя не пустят?

Илья задумался.

Он всегда возвращался из школы домой. А потом, по вторникам и пятницам, отправлялся в кружок радиомоделирования. И этот порядок самому ему виделся нерушимым. Нет, тетка не настаивала на таком послушании, ей, кажется, было совершенно безразлично, что и где делает Илья, лишь бы ночевать возвращался, но в гости...

– Да нет...

– Если хочешь, от меня позвоним. Или я мамку попрошу.

– Не надо.

В гостях Илье понравилось.

Квартира огромная. И роскошная... ковры, стенки чешские... хрусталь. А телевизоров и вовсе два, причем один – в личном Генкином пользовании. Этот телевизор поразил Илью, пожалуй, сильнее, чем личная Генкина комната. Может, потому, что у Ильи комната тоже имела, пусть и не такая роскошная, а вот телевизором единолично владела тетка. И смотрела исключительно полезные для развития передачи.

К слову, тетка как раз новости о новом друге не обрадовалась.

– Смотри, Ильюша, – сказала она, впервые, пожалуй, заговорив мягко, – слишком ненадежный он товарищ. Скользкий. Такого опасно иметь в друзьях.

Илья не послушал.

Да и как слушать ее, когда впервые у Ильи появился друг? Настоящий. Такой, которому не безразличны проблемы Ильи. И сам он не безразличен. И вообще... Тут мысли заканчивались, но Илья точно знал, что Генка – самый лучший.

А потом приключилась эта вот история...

– Генка иногда просил меня придержать вещи, которые не хотел нести домой. Его матушка была очень любопытна. Она постоянно совала нос в его вещи...

...наверное, потому что в глубине души своей знала, что собой представляет ее сын, вот и пыталась хоть как-то его контролировать.

– А моя тетка никогда себе такого не позволяла. Она умела ценить личное пространство. Но тогда Илье это представлялось лишь проявлением теткиного безразличия.

– Главное, что когда Генка принес мне пакет, я не удивился. И спрашивать не стал, что в нем. Мы же друзья. Я ему доверяю, а он мне...

Детская глупая уверенность в том, что дружба – это святое.

– Он попросил передать пакет одному его приятелю... на вокзале. Вроде как тот приятель собирается уезжать, а пакет надо передать кровь из носу, у Генки же дела важные.

Илья даже не стал спрашивать, что за дела. Какая разница? Вокзал-то рядом с домом, три минуты идти. Явился он заранее. И в месте, Генкою указанном, стал. Слева под часами. Так и стоял, пока не подошел парень мрачного вида. Мужик этот, надо сказать, Илье сразу не понравился.

Неряшливый какой-то.

Дерганый.

– Ты Генка? – спросил он.

– Я от него.

– На вот. – Парень вытащил из-под полы пакет и руку протянул, за тем, стало быть, который Илья принес. – Давай, не тормози.

Илья не тормозил.

И пакет протянул.

А потом... Как-то все быстро так случилось. Лицо парня резко изменилось, исчезло туповатое выражение, и глаза нехорошо блеснули, а в следующий миг руки Ильи скрутили за спиной, щелкнули наручники...

...получасом позже он сидел в отделении и беседовал с тем самым парнем, который оказался вовсе не Генкиным приятелем, а сотрудником правоохранительных органов. И эти самые органы в лице оперуполномоченного Беряева доступно объясняли, что следующие пятнадцать лет жизни Ильи проведет за решеткой.

Торговля наркотиками.

У Ильи это в голове не укладывалось.

Он не торговал наркотиками! Он пакет передал. Генка попросил. И наверняка какая-то ошибка случилась, потому что Генка не знал, что в пакете марки... Не почтовые, а те самые, ЛСД пропитанные... Про ЛСД Илья вообще впервые в жизни слышал.

А его допрашивали.

День.

И ночью тоже. Тетке не дали позвонить... орали... уговаривали... а потом отправили в камеру. И вроде бы отдых дали, да только не получилось у Ильи уснуть. Он ворочался и думал, кто же их с Генкой так подставил.

Наутро же устроили очную ставку.

И Генка, друг Генка, которому Илья верил, как себе, глядя в глаза, заявил, что никакого пакета Илье не передавал.

– Я выпутался не иначе как чудом... Тетка, когда я ночевать не пришел, забеспокоилась... а потом ко мне еще с обыском пришли. Хорошо, что других Генкиных подарков в тот момент не было. Тетка, когда узнала, во что я влип, всех знакомых на уши подняла. И главное, что знакомые у нее оказались непростые.

Система не желала отпускать Илью. Формально он был виновен. И тот же оперуполномоченный, уставший, как собака, недовольный – рассчитывал он совсем на другое – сказал:

– Не повезло тебе, приятель.

– Не повезло, – согласился Илья. Он пребывал в некоем странном состоянии, в котором прекрасно осознавал, что влип и что влип благодаря Генке.

– Вот что мне с тобою делать?

– Не знаю. – Илья готов был смириться.

– В общем, так, подпишешь бумагу, будешь сотрудничать... и если опять твой приятель попросит...

– Не попросит.

– С чего ты такой уверенный?

– Он не дурак. Другого найдет.

– Вот кого найдет, о том ты нам и расскажешь...

Внештатный осведомитель.

Наверное, это был лучший выход из возможных, но чувствовал себя Илья при том наипоганейшим образом. Он будто предавал самого себя.

Идеалы.

Стукачей нигде не любили.

И оперуполномоченный вздохнул:

– Послушай сюда. Жизнь, парень, это тебе не картинка из книги. В жизни дерьма всякого полно... Вот дружок твой... Дружба – это честно и благородно, да только разве он с тобой честно поступил? Благородно? Рассказал тебе, во что втягивает? И потом взял на себя вину? Нет. Он тебя использовал грамотно, а потому сам из воды сухим вышел. И знаешь, что главное? Он ведь не успокоится. Да, на некоторое время попритихнет, а потом найдет другого такого дурачка. И вновь попросит пакетик отнести... а в том пакетике смерть еще для сотни дурачков, думающих, что кайф – это прикольно. Так что, стоит такому человеку верность хранить?

Илья не знал. Он до сего дня над подобными вопросами и не задумывался особо.

– Подумай, подумай, Илья. Ты уже не маленький. И да, может, это не совсем этично, стучать на приятелей своих, да только лучше так, чем за решеткой чужие грехи отмаливать.

Его отпустили. Конечно, бумагу пришлось подписать, но, кажется, уже тогда Илья понял, что бумага эта так и останется формальностью. Генка, зараза, умный.

А тетка расплакалась.

Илья никогда не видел ее плачущей, тут же вдруг разревелась, обняла. А потом отвесила подзатыльника, и такого, что в ушах зазвенело.

– Дурак ты, – сказала тетка, всхлипывая.

– Дурак, – согласился Илья.

Пушай дурак, зато на свободе. И это чувство свободы, груза, что свалился с неокрепших плеч Ильи, опьяняло.

– В школу я вернулся, хотя директор поставила вопрос о моем отчислении, но тетке удалось отстоять. В конце концов, обвинений против меня не выдвинули. Да только... – Илья поморщился, до того неприятно было ему вспоминать прошлые дела. – Генка успел растрепать всем и каждому, что меня повязали... и за что меня повязали. И класс объявил мне бойкот.

Сперва Илья даже не поверил, что это всерьез.

Бойкот.

За что? Он же не виноват... да только кто станет слушать? Генка постарался. Он первым пересел от него, а освободившееся место никто не спешил занять. Илья очутился точно в вакууме.

С ним не разговаривали. Его вовсе словно бы не замечали, и не только одноклассники, но и учителя. Когда случалось вызывать к доске, редко, пожалуй, лишь потому, что положено было проводить опросы у всех, Илье не задавали даже дополнительных вопросов.

Его слушали.

Кивали.

Возвращали на место. И забывали о том, что он вообще есть.

А Генка... Нет, он не нашел себе другую жертву. Он был мил и приветлив с каждым. И время от времени приглашал домой, однажды – целый класс... и о том тоже пришлось написать в отчете.

Отчеты Илья составлял каждую неделю. И как-то привык к этой работе, а он воспринимал их именно работой. Неприятной, тяжелой даже, но все-таки обязательной.

А потом школа закончилась.

Был техникум. С институтом Илья решил погодить. Он бы просто не выдержал еще два года в тишине. Да и... какая разница?

Все ведь сложилось.

И тетка, доживи она до нынешних дней, гордилась бы Ильей. Ему бы хотелось думать, что она гордилась бы.

– Теперь вы понимаете, почему я не хотел иметь с Генкой никаких дел? Мне даже неприятно было находиться рядом с ним... с ними со всеми. – Илья смотрел в глаза Олегу Петровичу, который неуловимо был похож на того, другого, опера, о котором Илья постарался забыть.

– Но на вечер встречи вы отправились?

– Отправился.

– Почему, позвольте узнать?

Илья пожал плечами. Хороший вопрос. А и вправду, почему?

– Я не хотел... поначалу... не собирался... В первые лет десять меня даже не звали... а тут вдруг Танька объявилась. Староста наша. И так настойчиво начала... Все эти красивые речи, о единении, о дружбе... о том, что жизнь развела, но надо помнить о прошлом... Я и вспомнил. И тут... стало интересно. Такой, знаете ли, корыстный интерес, подловатый даже, наверное... хотелось показать себя. Доказать, что я не сел, как они думают. Не спился. Не скололся. А живу себе и здравствую.

– Неплохо живете, – огляделся Олег Петрович.

– Именно. Неплохо живу. В отличие от многих. И на Генку поглядеть хотелось. Понять, кем он стал... убедиться, что...

– Не все у него хорошо.

– Именно.

– И как?

– Убедился, – признался Илья. – Не скажу, что полегчало, но он... он произвел на меня впечатление не самого богатого человека... мне это было приятно. Мне ни к чему было убивать его. Напротив. Теперь я был на вершине, а он внизу. И мне это положение дел нравилось, а Генке наверняка не очень. Он всегда болезненно воспринимал чужое превосходство...

– Понятно. – Олег Петрович произнес это таким тоном, что стало очевидно: ничего-то ему не понятно. И не решил он до конца, стоит ли Илье верить. – Будем разбираться.

Часть I

Холопка

Фатежский уезд Курской губернии, имение столбовой дворянки Мизюковой.

Нынешнее лето выдалось на редкость жарким. И от жары этой не было спасу ни коровам, ни коням, ни людям. Мухи и те летали сонные, медлительные, жуужжанием своим раздражая и без того раздраженную потную боярыню. Та сидела у окошка, глядя на дорогу, обмахиваясь веером, не столько холодку ради, сколько потому, что более заняться было нечем.

– Читай, – велела она нервным голосочком. И девушка, сидевшая в углу, подчинилась.

Она читала выразительно, и мягкое звучание ее голоса вплеталось в нынешний сонный день, ничем-то не отличающийся от дней иных.

Было скучно.

– Хватит... – Боярыня потянулась. – Вели, чтоб чаю подали...

Чаю не хотелось, вовсе ничего не хотелось, и все ж хоть какое-то развлечение... В гости, что ль, съездить? Аль вовсе на воды податься? Ныне общество приличное на водах... и родня, сестрица двоюродная отписалась, что отбывает... Однако ежесть и боярыня отправится следом, то встрече сией сестрица не обрадуется. Не любит она о родственниках вспоминать.

Чай подали, а после чаю, тоску развеивая, и гость заявился незваный, но дорогой.

– Здравствуйте, тетушка! – Громкий его голос враз разрушил сонное очарование дома.

Мухи зажуужжали живей, а горничные на гостя уставились нагло, с провинциальным любопытством. Сказать-то, гость был собою хорош, высок и статен, волосом темен, смугл...

– Что ж вы, тетушка, будто бы и не рады меня видеть? – произнес он с притворным удивлением, а после на руки подхватил, закружил, что пушинку... Вот шельмец!

И когда только вырасти успел?

Помнится, не так давно приезжал отдыхать в поместье мальчонка диловатый, после и школяр... а потом в офицеры подался, значит. Писал, конечно, но редко и скупо. Оно и ясно, мужчины к письмам особое любви не испытывают.

– Ты бы хоть предупредил!

– Да зачем? Иль все ж таки не рады?

– Рады, рады... Матрена, вели, чтоб на стол накрывали! Голодный, чай? Конечно, голодный... Выхуль, без слез и не взглянешь... Матушка-то твоя ведает, что ты вернулся? Надолго ли?

– Ах, тетушка, сколько вопросов... похоже, что насовсем...

И сонное имение ожило, будто по мановению волшебной палочки. Козу с палисадника выгнали и кур отнесли на птичий двор, где им самое место, коня господского на конюшню поставили, и конюх долго восхищался тем, до чего жеребец хорош. Мол, чистых аглицких кровей, выездки великолепной, да и глядеть на него – одно удовольствие.

Барин был под стать коню.

Девки дворовые нарочно прибегали, чтоб хоть глазочком на него взглянуть. Оно ж когда еще случай такой-то выпадет? Парни, те кривились, мол, когда б у них мундир имелся и конь небось не хужей гляделись б. Так оно или нет, то осталось неведомо, ибо сказано, что всякой твари место свое знать надобно. И дворня боярыни Мизюковой знала, как не знать-то, когда хозяйка пусть и отходчива норовом, но строга, за иную оплошность и шкуру спустить может.

Правда, с приездом племянника она подобрела, помолодела, годочков на радостях скинула. В платья ныне рядилась модные, поплиновые да с цветочными узорами. Поясочком перевязывала, шляпку вздевала из итальянской соломки. На плечики открытые шаль накидывала и так гулять шла. А гулять тут было где, вокруг поместья-то луга заливные, зеленую пышные.

Так и ходили, наперед барыня с племянником, а за ними – Матренка с корзинкою, в которой и снедь всякая, и питье, и веер, и книжица, буде барыне вздумается присесть для отдыха. Далече-то она ходить непривычная, другое дело барин. Он мосластый, долговязый, ноги – что у журавля, парюю шажочков версту мерит. И идет, и говорит все, да о Кавказе, откудова явился.

Матренка слушает.

Что ей, подневольной, еще остается?

А после уже, когда барыня ко сну отойдет – после прогулок спать она стала легче и без патентованного сиропу, коим прежде баловалась, жалуясь на бессонницу, – то и спускалась Матрена на кухню, где ждали ее уже с превеликим нетерпением. И там уже, шепоточком, пересказывала гиштории дивные.

Матренка девкой была ласкавой, приветливой со всеми. И собою хороша. Старшая ее сестрица, Аксиныя, конечно, приговаривала, что от этой хорошести беды одни, не в красоте счастье, да не слухали ее, потому как была Аксиныя злоязыкою. И глаза имела завидуице.

Ныне вот тоже заладила.

– Стережися барина. – Аксиныя лук луцила, она-то в дом, хоть и из той же семьи, что и Матрена, взята, а при кухне состояла. Была высока, мужиковата и цвет кожи имела нехороший, с желтизною будто. Куда с такой физией да в господские покои? А на кухне ей самое место, ибо силушкой Аксиныю господь не обделил. – А то ишь, разулыбалася... Гляди, затащит на сеновал, а после сраму не оберешься... Ему-то что? У него таких, как ты, в каждом имении по пучку...

Лук она луцила руками, и шелуху луковую, сухую да светлую, в особую корзину складывала, буде потом чем на Пасху яйца красить.

– Он хороший. – Сестрице Матрена бы помогла и помогала, когда выпадала той работа легкая, но к луку прикасаться нельзя. Луковый дух сильно крепкий, привяжется к пальцам, к волосам, не вымоешь. А у барыни от этого духу мигрени начинаются.

– Хороший... Все они хорошие... Думаешь, я не вижу, как он на тебя глядит? Кобелюка... А ты и рада, уши развесила... Да уедет он вскорости и забудет, как звали.

– Не забудет...

Щеки румянцем польхнули.

И ярко так... Нет, конечно, не было в Матрениной голове тех мыслей, за которые сестрица опасалась. Матрена – девушка строгих правил и себя блюдет крепко.

Матрену с Аксиной в господский дом матушка привела. В ножки ключнице старой кланялась, чтоб взяла девок, да нахваливала, мол, работящие, тихие и послушные. Может, и не взяли б, да барыня аккурат гулять вышла, глянула на Матрену, пальчиком поманила.

– Какая красавица растет! – восхитилась. – Просто диво...

А Матрена еще оглянулася, потому как зело ей охота была на красавицу глянуть. Сама-то она себя красивою не мыслила, да и то, не до красоты было. За хозяйством следить надобно, за скотиною, за огородом, у мамки забот – полон рот. Тятка денно и ночью жили рвет, тянет семейство, в котором что ни год, а прибавление...

– Пойдешь ко мне жить? – спросила боярыня и ущипнула Матрену за щеку. – Ишь, худенькая да глазастькая... татарчонка...

– Пойду... ваша милость. – Матрена вовремя вспомнила, как ей велено было ко всем господским обращаться.

– И вежливая...

Так в дом и приняли, а матушке еще барыня два рубля дать велела, чему матушка очень рада была. А что, и от ртов лишних избавилась, и денег получила. Редко когда такая удача выпадает.

С той поры началась для Матрены иная жизнь.

Поселили ее в крохотной комнатухе, приставив в помощницы старой горничной, которая еще за матушкой боярыни приглядывала. Та уже в годах была крепко, немощна и глазами слаба, зато дело свое знала крепко. И Матрену учила.

Как платья почистить да проветрить.

Как кружево починить.

Волосы завить, лицо набелить... и все-то ладно выходило, пальчики у Матрены ловкие... и сама она работы не чуралась. А что, с волосами небось легче возиться, чем со свиньями. Вот и натирала их, что репейным маслом, что хлебом сухим, который после мелким гребешком вычесывала да со всем старанием, чтоб ни крошечки самой малой не осталось.

Боярыня довольною была.

И грамоте учить велела, ибо невозможно личной горничной вовсе неучихою жить. Кто ж барыне станет книги читать? Чтение и сама Матрена полюбила крепко, особенно всякие истории про любовь, до которых хозяйка была дюже охоча.

Как-то так и жили...

Ушла на покой, а после и на погост старая горничная, и Матрене досталась что комнатуха ее, что обязанности, ныне уже привычные и необременительные. Да и разве тяжело ей для боярыни за молочком сбегать? Иль шаль подать? Шитье? Выслушать, когда говорит та, что о соседях, что о сестрице своей двоюродной... кивнуть, когда требуется кивать.

Книжку почитать.

Легкая то работа. Девки Матрене завидовали. Сама-то, почитай, почти госпожа. А и то, платья для Матрены шили пусть и не из атласу, но из хорошего сукна, да и порою перепали что кружева, что ленты, что перчаточки аль шляпка, которые самой боярыне надоели.

Не выкидывать же!

На прошлое Рождество и брошку Мизюкова подарила, резную, камеею, стало быть. Матрена ее потом всем показывала... Девки охали, Аксинья только губы поджимала.

– Гляди, – буркнула, – высоко взлетишь, больно падать будет.

– От ты... – Старшая повариха головою покачала. – Порадовалась бы за сестрицу хоть разок!

– А чего радоваться? – Брошку Аксинья повертела да и вернула. – Лучшие б денег дала. А то... Вырядила, как куклу... при себе держит. И держать до самой смерти будет. Я-то, может, замуж пойду... Деток нарожаю... А ты, Матренка, как была барскою забавкой, так и останешься.

Горько тогда стало.

Но... разве ж была у Матрены своя воля? Или надежда хотя бы на жизнь иную? Нет... вот и читала она боярынины книги украдкой, и мнила себя влюбленною, любимую, всенепременно так, как писали, чтобы до трепета сердечного, до тьмы перед глазами.

И счастливую жизнь себе рисовала.

В книгах все и всегда завершалось счастливо... так может... Робкие это были надежды, и ныне они вдруг ожили.

Ах, если бы...

Хорош молодой барин.

Всем хорош.

И собою красив, как с портрету сошедши, лучшие, чем с портрету.

И вежлив, упредителен, пусть бы Матрена всего-навсего девка крепостная, а все одно, коль обращается, то будто бы к барыне... и с тетушкою ласков, а уж она в племяннике души не чаёт. Смеется:

– Ох, шельмец... погоди, вот расскажу обо всем твоей матушке. – И пальчиком этак грозит.

А он отвечает:

– Не расскажете, дорогая тетушка... Я же знаю, что не выдадите вы меня...

– Не выдам, не выдам... А ты еще расскажи... что там в Петербургах ныне дамы носят?

– Да всего... Будто вы, тетушка, журналов не выписываете.

Журналов тетушка выписывала множество и после разглядывала их с Матреною, тыкала то в одно платье пальчиком, то в другое, и все-то ей казались вычурными аль нелепыми. Иные фасоны она и вовсе распутными называла...

...правда, после, поостыв, кликала портниху и уже с нею журналы листала.

– Что журналы? Ты мне словами своими опиши... Чего там ныне у девок модно?

– Да я как-то не приглядывался.

– Врешь ведь! Чтоб ты и к девкам не приглядывался?!

– К девкам, может, и приглядывался. – Барин покаянно голову опустил. – А вот к нарядам – точно нет. Да и чего попусту говорить, поехали б и сами глянули б... Матушка б обрадовалась.

Мизюкова только фыркала да рукой отмахивалась. Обрадуется сестрица ее двоюродная, как же... В прошлый вон визит вся прямо-таки на радость изошла, не ведая, как дорогую гостьюшку выпроводить. И главное, вежливая, что спасу нет, а за тою вежливостью – холодец. И каждое слово сквозь зубы... Мол, знайте, что тут вас видеть вовсе не желают.

Какая у графини родня?

Провинциальная?

Помилуйте, разве возможно подобное? Муженек ее, который и вправду граф, по рождению, тот помягче будет, а сестрица... Запомнела уж, как сама была бедною родственницей, бесприданницей, почитай... и вместе росли, платья на двоих делили, мечтали, что свезет замуж выйти.

Свезло.

Одной больше, одной меньше, да только Мизюкова прошлого своего не чуралась, а сестрица за гордыней свету белого не видела. Будь воля ее, небось и от матушки с батюшкой отреклась бы, чтоб точно в графскую стаю прибиться.

Нет, не поедет Мизюкова в Петербург. Да и что там делать? Сыро, промозгло, и с того кости болеть будут. Ей свое имение дорожже... А что племянник, то ему завсегда рада. В отца пошел, слава богу, добр и приветлив. Норовом легок...

Хорош, несомненно.

Девки вон глаз не сводят, и только остается, что упреждать:

– Гляди, не доведи какую до беды... – И пальчиком грозила, но шутейно. Ведала, что не сдержат угрозами пылкую натуру племянника... Ох, в батьку пошел Давыдушка, тот по молодости тоже собою хорош был, пылок... Только не пылом сестрицу взял, а состоянием немалым, древностью рода и титулом графским.

– Ну что вы, тетушка... как можно, – отвечал Давыдушка, но неискренне.

Да и что за беда?

С девок, если по собственному их почину, не убудет.

Правда, все чаще взгляд его останавливался не на прислуге, которой в теткин дом было много, а на тихой горничной.

Матрена Саввишна...

Этак девицу тетушка и представила, когда Давид спросил. Матрена... ей не шло простоватое деревенское это имя. Ей бы Елизаветою зваться или Александрою, иль вовсе на французскую манеру Шарлоттой... а тут Матрена.

Саввишина.

И всякий раз несоответствие имени и внешности поражало Давида до глубины души.

Красива?

О да, он повидал на своем веку немало красавиц, что диковатых цыганок, которые не ведали ни греха, ни морали, что актрисок лукавых, что дам великосветских, озабоченных единственно положением своим. И встречались среди них особы куда более совершенного вида, но...

Было что-то этакое в темных, что вишня переспевшая, очах Матрены Саввишины. Мелькнет, поманит и исчезнет... В робости ее, в том, что не осмеливалась она поднять взгляд на Давида, да и все норовила спрятаться, будто стыдясь своей красоты.

Кожа смуглая, но не от пошлого загару, а по природе своей.

Румянец легкий.

Губы бархатные, так и тянет к ним прикоснуться. Волос тяжелый, блестящий, будто лаковый... не девица – картинка.

Картина.

Любоваться бы ею вечность. А и при том грамотна, выучена, пусть и для теткиного удобства сузубо, но все ж... А как читает... Бывало, тетушка приляжет на софу, очи закроет, а Матрена Саввишина к изголовью табуреточку придвинет. Воссядет на нее с книжкой и читает тихо, с выражением. Хочешь аль нет – заслушаешься. А уж глядеть, как шевелятся губки ее, как глаза скользят по строкам... разглядывать.

Ох, беспокойно сердцу.

И тетку обижать неохота, ибо осерчает. За какую другую девку, может, и не стала бы браниться, а вот Матрена Саввишина ей дорога. Не как дочка, нет, глупости это, но как вещь редкая... Тятенька вона над своими табакерками тоже дрожит поболее, чем за иными людьми.

Тетка Матреною любит.

Хвастает, что перед соседями, что перед Давидом, мол, погляньте, люди, до чего горничная личная хороша, этакая небось, не у каждой графини имеется. От себя ни на шаг не отпускает.

Ах... нехорошо.

И сдержаться бы надобно, да как сдержишься, когда манят темные глаза? Обещают... и видно, что по нраву ей Давид, он чувствует это, но...

– Куда спешишь, красавица? – Негоже следить за служанками, недостойно сие наследника древнего рода, будущего графа Бестужева...

Самому стыдно. А еще неудобно, потому как шарахнулась от него Матрена Саввишина, прижалась к стене, уставившись очами своими черными.

– Не бойся. – И стыд окрасил щеки румянцем. – Я не хотел тебя напугать.

– Вы... не напугали.

Голос робкий дрожит.

– Вам нужно чего? – Взгляд долу.

Скромница.

В платье этом темно-синем, да с передничком, она глядится едва ли не монашкой. Ей другие наряды надобны, чтобы шелка, чтобы бархаты и аксамиты... меха собольи и драгоценности.

– Нужно.

– И что же?

– Ты...

Давид попытался за руку взять, но она ускользнула.

– Что вы такое говорите...

– То и говорю, Матрена, что ты мое сердце украла... – Сколько раз уж он сказывал такое, и слова эти с языка слетели легко, да только стало ясно, что лживые они.

Затасканные.

Разве можно с нею, как с прочими-то?

Она... иная...

– Все шутить изволите. – Матрена отступила в темноту. – Ежель вам чего и вправду надобно, то скажу, чтоб принесли, а так... извините.

Она ушла, а легкий цветочный запах остался, и Давид стоял, прислонившись к стене, чувствуя себя дураком, каких не бывало.

– Ой, Матренка, гляди, доиграешься. – Акси́нья была мрачней обычного. Ныне она щипала кур, которых давече привезли с деревни да весь день били на заднем дворе. Куриные туши, сваленные в огромный чан, залитые варом, смердели, и от запаха мокрого пера Матрене делалось дурно.

Впору за солями нюхательными тянуться, кои ей от барыни достались.

Только Акси́нья не одобрит. Все ей кажется, что Матрена в игры играет... что мала, глупа и не понимает ничего. И говорить бесполезно, не поймет.

Порой Матрене мнилось, что никто-то в этом огромном доме ее не понимал.

Мизюкова? Та все ждет изъявлений благодарности, не уставая напоминать, кем была бы Матрена без этой барской милости. И главное, что ныне Матрена сама понимает – что никем. Такою вот, как сестрица старшая, нескладной мрачной бабой, всех забот у которой – только кур ощипать. И дергает за перо, вымещая на тушиках злость за неудавшуюся жизнь. Лицом груба, а нравом – еще грубей.

Руки красные, в мозолях.

Кожа шелушится.

В волосах уже седина проклюнулась. Старость скоро, а ей все мнится, что она неплохо устроилась. При кухне барской, при столе... Морали все читает, а сама на конюшни бежит, к Потапке, который ей на прошлое Рождество платочек преподнес.

Завидный жених, и у барыни на хорошем счету. Глядишь, и даст она дозволение на свадьбу, конечно, если в настроении будет... а если нет, то похлопочет Матрена за старшую сестрицу. Той кажется, что всенепременно похлопочет, Мизюкова к горничной своей расположение имеет... а вот о том, надобны ли Матрене сии хлопоты, никто и не думает.

Ответить, что не надобны?

Что для самой барыни Матрена навроде забавы заморской, ценной да пригожей, полезной еще, но и только? И что понимает Матрена распрекрасно про жизнь свою, про перспективы ее, которые одно с барынею связаны? И что жить ей в тени Мизюковской до самой старости, а старость эта одинокой будет, безрадостной...

Нет, не желает она подобного...

Девки дворовые тоже все ей завидуют. Мол, при боярыне Матренка, при легкой работе... Не надобно ей ни камины чистить, ни серебро натирать до блеску, а что работа эта при боярыне, нрав которой ох как нелегок, того не разумеют.

И что ложится Матрена поздно, а встает еще до рассвета.

Надобно и платья перебрать, проверить, чтоб не случилось им какого ущерба, а если случилось, не приведи боже, то и поправить, пока барыня не заметила.

Туфельки натереть.

Сумочки да веера пересчитать... иное хозяйство, которое велико... Нет, забот у Матрены множество, и попробуй только забудь о чем, мигом приметит то мизюковский глаз. После будет упреков...

Ах, до чего же обрыдло все.

И сбежать бы... чтоб как в книге... Нет, недавно о том Матрена думала с тоскою, с опаской, разумея, сколь невозможен подобный побег. Но нынешним летом все вдруг переменялось.

— Гляди. — Сестрица кидала мокрое перо в таз и куру перевернула, внове вцепилась. Дергает и мнет, даже смотреть на то отвратительно. И сама взопрела, в пере вся, в пуху, в чаду и паре. — Ему-то чего? С него спрос малый... барин... а с тебя после барыня три шкуры спустит. Выдаст за кого поплоше да сошлет в деревню...

Ворчит Аксинья.

Беспокойство проявляет, думается, что глупа младшая сестрица, не понимает, чем роман тайный с барином грозит... Нет, не глупа она. И шанса своего единственного, господом дарованного, видать, за терпение Матренино, упускать не собирается... Если выйдет все так, как задумано, то...

Чудеса случаются.

Пусть не как в книгах, но...

— Он красивый. — Матрена потупилась, зная, что фраза сия донельзя разозлит сестрицу.

— Тьфу. — Та сплюнула в таз с пером. — Красивый... с лица воду не пить... а что с этой красоты? Думаешь, женится он?

Женится.

Должен... или Матрена навсегда останется запертой в проклятом этом доме.

Она ускользала.

Подпускала близко. Дразнила запахом.

Видом своим.

Взглядом.

— Нет, барин... Не надо...

— Давид... оставь ты этого барина...

— Как можно?

И черное пламя пляшет в глазах, обещая... Что обещая? Страсть неземную? А он, глупец, теряет... Кажется, только руку протяни... и тянет ведь, да она, что рыбка, выskalывает сквозь пальцы. Шепчет только:

— Нет, нет...

Тетка, та будто ничего и не замечает... и пускай, не то еще отослала бы Матрену. Или ему велела б уехать, а ныне сама мысль о разлуке казалась невозможной. Сердце остановится без нее...

— Поверь мне...

Вечерние встречи скоротечны. И слов не хватает, чтобы объяснить то щемящее чувство в груди, которое возникает всякий раз, стоит ему увидеть Матрену.

— Скольким вы это уже говорили? — И такая печаль в голосе. — Нет... Давид... Не надо... Не лгите себе, не лгите мне...

Он не лжет, он ныне готов за каждое слово свое поручиться. Ему случалось влюбляться прежде, но ныне те влюбленности казались... пустыми? Разве можно было сравнивать всех прошлых женщин с Матреной?

— Я правду говорю, любая... Я жить без тебя не умею...

Разучился.

И жить, и дышать.

И вовсе он существует единственно, когда она рядом, пусть и не с ним, а с тетушкой... Хорошо, не гонит, хотя и удивляется, что ж это племянник дорогой так загостился.

– Не умеете, – Матрена улыбается печально, – да только будете... Вы уедете, а я останусь. Разлука суждена...

Какая разлука, если сама мысль о ней душу в клочья рвет?

– Но уж лучше я останусь честной девушкой... Не позорьте меня, Давид...

Все же ему удалось коснуться губ ее, поймать не поцелуй еще, всего лишь тень его, но и эта тень заставила его обезуметь.

– Я заберу тебя с собой! Попрошу тетку... Она отпустит... даст волю...

– И куда мне с этой волей?

Она вновь ускользнула и губ коснулась пальцами, не то стирая след недавнего прикосновения, не то пытаясь убедиться, что было оно.

– Кем я за вами пойду? Любовницей? Девкою гулящей? А после, Давид, когда натешись, то что со мною будет?

Злые слова. И обида вскипает в душе. Как может она говорить такое?! Натешиться? Да он надыхаться на нее не способен, а...

– Не сердись. – Матрена нежно коснулась щеки. – Но сам подумай, что правду я говорю... Если действительно любишь, то не губи... умоляю...

И вновь исчезла.

Она умела исчезать внезапно, обрывая встречу, оставляя тот же треклятый цветочный аромат, который он уже ненавидел.

И мысли.

Кем она поедет?

Любовницей?! Нет, такому не бывать... женой... Кого еще назвать женой, как не ту, которая и без того владеет и сердцем, и душой? Мысль, нелепая по сути своей – разве позволят ему, будущему графу, жениться на холодке? – меж тем прочно угнездилась в его голове.

Невозможно сие.

– Я не позволю тебя обидеть... – Он целовал нежные ручки, которые дрожали, не то от прикосновений, не то от страха, что Давид позволит себе больше, чем эти, уже не невинные, поцелуи. – Я куплю тебе дом... Ты ни в чем не будешь нуждаться...

Он уговаривал и сам почти верил, что не расстанется с ней до конца жизни.

Жена?

Что жена... У матушки есть на него планы, и знакомые имеются, и подруги с дочерьями на выданье, скучные томные девицы, которые почему-то считаются удачной партией.

Амалия...

Ах, Амалия... Он ничего-то ей не обещал, как и она ему... Всего-то навсего подруга детства. И пусть матушка не единожды намекала, что в нынешних обстоятельствах дружба эта сердечная уже лишь дружбою простой не выглядит, а являет собой залог будущего Давида счастья... и он не возражал. Уж если на ком и жениться, то на той, которую знает едва ль не с младенческих лет, однако... Разве ведомо ему было, что он встретит истинную свою любовь?

И как ее предать?

Амалия поймет. Она писала письма, пространные, веселые, рассказывая обо всем, что случилось в тихих столичных омутках. И за словами ее слышалась насмешка, порой и вовсе сарказм, неожиданный для девицы ее лет.

Она ждала.

И если бы не Матрена... Пожалуй, Давид сделал бы предложение Амалии нынешнего осенью. Он не сомневался, что предложение это было бы принято благосклонно.

И матушка порадовалась бы, но...

Как оставить Матрену?

А забрать в Петербург... он способен выкупить ее у тетки. Увезти. Даже против ее воли увезти... Почему нет? Дом снять... Нет, приобрести, чтобы уж не рушить свое слово. Он поселит ее, естественно, не в центре, потому как это столь же невозможно, как и свадьба их, но... ей и того будет довольно. Что она видела в жизни, кроме этого вот поместья, в котором заперта, словно в клетке?

Он утешит ее нарядами.

Женщины падки на подарки... Купит драгоценности... Будет баловать... А жена... что жена, жены у многих имеются... и никто не осуждает мужчину, если он ищет утешения от неудачного брака. Главное, соблюдать осторожность.

Давид убеждал себя, но... не получалось.

Он смотрел в темные глаза Матрены, говорил про дом, про деньги... про то, что не волен над собой... и глаза эти наполнялись слезами.

Руки холодели.

Матрена уходила... Она не возвращалась, пусть и ждал Давид у лестницы, ставшей местом скорых их свиданий, до утра... и на следующий день была холодна, равнодушна.

Ложь.

Он же чувствует любовь... видит...

– Ох, Матренка, бить тебя некому. – Аксинья в кои-то веки не делом занималась, а чаевничала. Чай внизу затевали к вечеру, когда усадьба успокаивалась. Ставили самовар, старый, служивший не один десяток лет, но все одно крепкий. Топили его щепой да шишками, и вар получался особый, со смолистым ароматом. Правда, варили не чайный лист, дорогой по нынешним временам, а смесь из ароматных трав да вишневых темных веточек.

Аксинье этот чай был весьма по нраву. Она наливала темный напиток в чашку, а из чашки – в блюдце, которое, хозяйке уподобляясь, ставила на растопыренную пятерню. Так и сидела, ждала, пока чай остынет.

Нынешний вечер был тихим.

Стрекотали сверчки, где-то в подполе шубурилась мышь, но ленивый дворовый кот, развалившись у стены, делал вид, будто не слышит ее. Беспокоила Аксинью только сестрица младшая, бедовая... Вот уж наградил господь девку смазливой рожей, а ума недодал... и оттого в голове ее, кудельками украшенной, мысли бродят не те, неправильные.

И мысли сии до добра не доведут.

Аксинья сестрицу свою хорошо знала, пусть и мнилось той, что старшая – дурновата и день-деньской при кухне сидит. Так оно и при кухне кому-то быть надобно. Работа нелегкая, но какая уж есть. Зато сытная да теплая.

Чего еще желать?

Аксинья, ежели подумать, кругом счастлива была. Помнила она и мамку свою, на хозяйстве убивавшуюся, и батьку, и сестриц с братьевьями, которые то рожались, то мерли... Помнила и не желала возвращаться в ту, прошлую жизнь, почитая усадьбу барыни величайшей своей удачей. Да и то, кухарка-то барынина годами не молодеет, стало быть, годков через сколько-то да на покой попросится... и потому учит Аксинью премудростям всяким, повторяя, что та ответственная и к готовке пригодная...

Вот и ладно.

Не надобно Аксинье жизни иной. А сестрица полагает, будто бы Аксинья глупа... Самато она в мечтаниях пустых, в надеждах... Только зряшние те надежды. Неужто и вправду она решила барина окрутить? Он-то, по всему видать, до женского полу слабый и за Матренкою не прочь был бы поволочиться, да она не дает...

Дразнит только.

– Отстань. – Ныне Матрена сердита и злости не скрывает... Мечется по кухне, щиплет себя за щеки, чтоб румяней стали, губы кусает.

– Увидишь, – остановилась она подле сестрицы. – Он меня отсюда увезет!

– Может, и так. – Акси́нья давно уж с сестрицею не спорила. Иные-то полагают Матрену хорошей, везливой она, обходительная, всем-то улыбается, да только сие – сахар, который поверху. Чуть сковырнешь, и горечь повылезет. Но кому скажешь?

Не поверят, решат, будто бы Акси́нья сестрице завидует.

– Мы уедем в столицу...

– И будешь ты столичной гулящей девкой. – Акси́нья чай прихлебнула, сухариком закусила... На завтра барыня булок пожелала, чтоб пышных и с изюмой. Тесто-то уже поставили, выходит за ночь, вырастет, а вот изюму поутру запарить надобно, чтоб не перепрел.

– Нет!

Матрена и ножкой топнула. А красивое ее лицо – и вправду хороша, хоть икону малой – исказилось.

– Женой уеду!

– Вот дура. – Сие Акси́нья сказала искренне. – Не твоего полету птица...

– Моего... Вот увидишь, моего...

Матрена знала, только один лишь шанс у нее есть. Или заберет ее Давид, или... до самой смерти при барыне состоять, жалобы на здоровье ее слушая, поддакивая да вычесывая редкие космы... Ах, до чего ненавидела она эти волосы, жиденькие и вечно сальные, невзирая на все порошки и отдушки. Ненавидела рыхлую кожу барыни, в которую требовалось втирать мази... Ненавидела сам голос хозяйки, вечно недовольной...

Терпела.

Но видит бог, терпение ее почти иссякло.

А Давид... Он был влюблен, почти безумен, но все одно твердил о том, что не может жениться... обещал... золотые горы обещал, уговаривая бежать... Потом спохватывался и клялся, что выкупит у тетки... и вновь о доме, о столице...

Согласиться?

Уехать... содержанкой? Пускай, всяко лучше, чем личной горничной... Дом пусть купит... нарядов... там и сама Матрена служанок наймет, пускай уж ей платья шьют и волосы чешут... Нет, платья шить сама она больше не станет.

Ни к чему.

Она новые будет покупать... дюжинами... дюжинами дюжин... из бархату и муслину, поплину, атласу да дамаской ткани, про которую ныне в журналах писали, что в моде она. С отделкою блондом аль мехами... и шубу или две... шляпок множество.

Ей к лицу будут шляпки.

Душа рвалась ответить согласием, но разум, разум велел погодить. Успеется... не содержанкой быть хотелось, но хозяйкой. Чтобы никто слово дурного ни в глаза, ни за глаза промолвить не смог.

Решиться ли?

Иль все же... Ах, знать бы наверняка...

Речи Давида пыльные... И сам он, того и гляди, полыхнет, не справившись с чувствами, да только не спалил бы этим страсти огнем и Матрену... Боярыня, коль проведает, отошлет... Еще и замуж станется выдать, от беды подальше.

Но как же быть...

Холодной оставаться? Иль все же ответить, поманить вновь обещанием любви...

Все разрешилось поутру само...

Утро сие настало для барыни рано, вот мучило ее неясное беспокойствие, предчувствие будто бы.

Мизюкова потянулась к колокольчику.

Матрена явилась немедля, была бледна и как-то беспокойна, хотя, конечно, это боярыню трогало мало. Может, спала дурно девка, может, животом маялась аль еще каким недугом, главное, что дело свое она делала быстро и молча.

Помогла раздеться.

Умыться.

Облачение принесла утреннее... причесала, напудрила...

– Иди. – Предчувствие не исчезало, напротив, окрепло. Мизюкова тому вовсе рада не была, потому как подобные предчувствия с нею имели место быть и прежде, и всякий раз приключалось нечто до крайности недоброе.

Оттого и настрой Мизюковой испортился окончательно. К завтраку она спускалась раздраженной, недовольною всем, но нище всего – собой самой и излишней своей чувствительностью. И даже вид племянника, бодрого и непривычно серьезного, ничуть не успокоил ее.

– Дорогая тетушка, – обратился он, приложившись к ручке со всем почтением, – имею я к вам беседу о деле одном, в котором, надеюсь, вы мне не откажете...

Предчувствие окрепло. Кольнуло больное сердце...

– Здоров ли ты? – поспешила спросить Мизюкова, отгоняя мысли о страшном. Вдруг да ранен был Давид? Аль и вправду подхватил на своих Кавказах болячку какую? В карты проигрался и ныне денег требует... Но деньги – не беда, денег у Бестужевых всегда хватало...

– Здоров, тетушка. – Давид слабо улыбнулся. – Почти здоров... телом... а душою болен... В вашем доме я потерял покой и сон...

Мизюкова нахмурилась.

Захандрил? Оно и верно, какие ныне развлечения в усадьбе? Он-то к иной жизни привыкший... и значит, в столицу уедет... и вновь станет скучно и сонно.

– ...я только и способен, что думать о ней...

– Погодь. – Мизюкова прервала пылкую речь, разумея, что упустила кое-что важное. – О чем ты говоришь?

– О ком... о вашей горничной, Матрене... Я прошу вас отпустить ее... и благословить нас...

– Что?!

Пол качнулся. И потолок, и сама усадьба, казалось, вздрогнула, услышав об этом.

– Погодите, тетушка. – Давид упал на колени. – Я понимаю, что это... звучит странно... но я люблю ее! Люблю как саму жизнь! Большие жизни... и этой жизни мне не будет без Матрены!

Вот паскуда! Боярыня аж задохнулась от гнева, переполнявшего ее.

Змеюка неблагодарная... да как посмела она... Давид – хороший мальчик, но бестолковый, как все мужчины... Любит он... Повелся на глаза черные, на личико смазливое... и сама-то она хороша, надо было девку отослать от беды, а ныне... Ничего, и ныне отошлетя.

С глаз долой!

– Тетушка! – Давид взмолился, чувствуя, что тетка его, женищина, которую он полагал если не матерью, то человеком всяко близким, способным к пониманию, в нынешней ситуации понимать его не желает категорически. – Прошу вас, выслушайте...

Он говорил о любви, путано, но пылко. И тетку за руки хватал, пытался поцеловать... Он требовал и едва ль не плакал, глядя на застывшее лицо Мизюковой.

– Матрена! – Крик ее разнесся по всему дому, пугая дворню. – Матренка, чтоб тебя...

Матрена явилась пред ясные очи барыни немедля. И получила оплеуху.

– Ах ты, дрянь! – Барыня с трудом сдерживалась, чтоб не вцепиться наглой девке в космы. – Да как ты посмела...

Давид вскочил.

Он обнял нареченную, заслоняя собою от теткиного гнева.

– Украду, – сказал в глаза барыне гляючи. – Если разлучить посмеете... или застрелюсь... Жить без нее не буду!

– Дурень! – Мизюкова только сплюнула.

Вот же... мужики... бестолковые... Покойный-то муженек тоже до женского полу слабый был. Вечно лгал, буде занят... а то Мизюкова не знала про занятость его... батюшка Давидов тоже... польстился на прекрасное сестрицыно личико. А та и рада была подыграть.

Трепетная она.

Нежная.

Этакая по углям босой пойдет, ежели надобность в том почует, и не поморщится. Вона, скоренько после свадьбы все-то в свои ручки трепетные прибрала, муженек и опомниться не успел, как под каблучком очутился.

И слова-то поперек молвить не смеет... все ради дорогой Ольгушки...

Матрена плакала.

Красиво, стервица этакая, плакала... на люди... не то Мизюкова не знает, как взаправду плачут бабы от обиды иль горя. Тогда-то не сыплются слезы хрустальные из глаз и не летят по смуглым щекам... Настоящая обида уродлива, а уродство Давида отпугнуло б. Он же, рыцарь бестолковый, обнимает Матрену, по плечикам гладит, говорит что-то... а что – не разобрать, да и не больно-то хочется. Ясное дело, благоглупости любовные. Матрена слушает, а слезы утирать не спешит. Губку отставила, ни дать, ни взять – дите горькое, только правды в том – ни на грош... и ведь как оно вышло, что сама барыня слепая оказалась?

Не заметила этого роману... Перед самым носом, почитай, крутили...

– Простите, – дрогнувшим голосом сказала Матрена и на колени упала, вновь же поза красивая, видать, долго репетировала, актриска доморощенная... Гнать ее... Метлою поганой гнать из поместья... Выдать замуж за кого поплоше, и пуцай в деревне хвостом крутит. – Я... я ни в чем не виновата пред вами...

Руки, протянутые в жесте молитвенном – прям-таки грешница раскаявшаяся, – дрожат, только глядеть на такое позорище отвратно.

– Я лишь не желала уронить свою честь... Опозорить вас... Доверие ваше...

Доверие... вот и вышло с того доверия... а ведь мнилось, что не так и проста девка, какой представлялась... и журнальчики она проглядывала превнимательно... и платья-то шила, вроде и простые, а все одно интересные... то бантик нацепит, то воротничок оправит... покрасоваться норовила... прежде-то это боярыню веселило.

Холопка, а туда же, в моды лезет...

– Я... я буду покорна вашей воле... – И голову повинную опустила.

– Тетушка...

– Прочь подите... – Мизюкова вдруг ощутила себя невероятно старой. Ах, бестолковая, безглазая, безухая... допустила до беды, а теперь... Ежели девку и вправду отослать, то... то с Давидки станется какую глупость учинить. Батька егоный, помнится, из-за сестрицы стреляться изволил, мало что не убился... А этот... стреляться в поместье не с кем, но может и вправду девку выкрасти... иль в драку полезть, коль мужика какого ей сосватать. Еще до душегубства дойдет.

Скандал...

И попустить – тоже скандал...

– Идите. – Мизюкова тяжело оперлась на перила, чувствуя, как трепыхается в груди утомленное сердце. – Мне подумать надобно...

Матренка скоренько слезы лживые вытерла и в коридор шмыгнула, на кухне, стало быть, прятаться пошла... а Давид остался.

– Тетя...

– Дурень ты. – Тетка отмахнулась от предложенной руки. – Ох, дурень... Ну понравилась девка, так оно ясно... смазливая... погулял бы и...

– Я не могу так с ней!

– Замуж-то зачем звать? Холодку-то...

– Она лучше многих родовитых... Она светлый, чудесный человек. – И под локоток все ж тетку подхватил, почуял сомнения. – Мне с нею легко, как ни с кем иным... Я люблю ее...

– В штанах вся твоя любовь, – проворчала Мизюкова. – И на ближайшем сеновале минута б... Ты хоть понимаешь, какой скандал теперь будет?

– Что мне до скандала? Пускай...

– А о матери своей ты подумал?

Давид голову опустил.

– Мы с ней не больно-то ладим, правда твоя, но все ж родная сестрица... и батюшка тоже не сильно обрадуется... а эта твоя...

– Амалия?

– Она самая... ты ж девке авансов надавал, а теперь на другой вот женишься... нехорошо это...

Коль до разуму достучаться не выходит, то, может, хоть до совести получится? Правда, на то надежда была слабая. Упрям Давидка, как и матушка егоная... и батюшка... Помнится, его родня тоже была крепко против этого браку... Не желали видеть графиней провинциальную девку без имени, без приданого. Чуяла свекровушка истинную натуру... Да ничего не помогло.

– Мы просто друзья... с детства...

– Ага. – В такую дружбу Мизюкова верила не больше, чем в Матренкину искренность. Давид, может, и наивно полагал так, да вот у девки, мнилось, иное мнение было.

– Тетушка. – Он поцеловал руку. – Помогите мне... умоляю... Я и вправду без нее жить не смогу...

– Отпицу... продам... увози. – Ох, на грешное дело она племянника подбивает, но лучше уж так, чем с женьитьбою. Глядишь, погуляет и остынет.

Опомнится.

– Нет. – Давид упрямо мотнул головой. – Я не поступлю с ней так... Это подло! Бесчестно!

– Дважды дурень.

Мизюкова поднималась по ступенькам тяжело, чувствуя на плечах своих каждый из прожитых годочков. Сколько их было? А сколько еще осталось? Про то только господь и ведает.

– Думаешь, она такая в тебя влюбленная? Может, самую малость и влюбленная... Но не настолько, чтоб разум утратить. Крутит она тобой... богатства желает, славы... а как обретет, то и ты не больно-то надобен станешь.

Насупился.

– Вы ее не знаете.

– Она на моих глазах росла, Давидушка, – вздохнула Мизюкова.

– И я очень благодарен, что вы вырастили ее такой...

От же... И как вот быть?

– Я живу ради нее... дышу... вот. – Он прижал тетку ладонь к груди. – Если с ней что-нибудь случится, то и я умру тотчас! Умоляю, тетюшка... не разлучите...

– Иди уже... Подумать надобно.

О случившемся утром в доме ведали все. Удивительная новость о барской блажи – а чем иначе можно объяснить эту предивную просьбу-то? – мигом облетела всю усадьбу. И на кухню заглянула. Аксињья, которой кухарка со вздохами и ахами поведала о том, как валялись молодые в ногах у барыни, милости испрошая, только головой покачала.

– Не буде с того добра. – Она помрачнела, чуя, как стягиваются над головою тучи.

Разгневается барыня на Матрену за наглость эту превеликую, туточки и гадать нечего... а следом и Аксињья в немилость впадет. Этак и вовсе из дому погнать могут.

– Дура, – сказала Аксињья, сестрицу неугомонную завидев, и слова свои оплеухой подкрепила, от которой Матренка мигом в слезы ударилась. А кухарка головой покачала, жалела, стало быть... Ага, все-то Матренку жалеют, хоть бы кто разок про Аксињью подумал.

– Я люблю его! – всхлинула Матрена, слезы рукавом размазывая. – Большие жизни люблю...

Кухарка запричитала, утешать кинулася...

ТЬФУ...

Ей-то что? Ей-то с этой любви развлечение одно, Аксињье ж думать надобно, как дальше жить...

– Не знала я, что он так... что посмеет ее просить... а он... – Матрена рыдала, уткнувшись в мягкую кухаркину грудь. – Он тоже меня любит...

Кухарка до таких страстей была zelo охоча.

– Любит, – заверила она. – И женится всенепременно... Раз порешил, то и женится. Барин упрямый.

Только и барыня не менее упряма.

Но Аксињья на сей раз не промолчала.

– Сошлет тебя барыня, – буркнула она, к чесноку возвращаясь, который надобно было почистить да с солью растереть.

– Сбегу! – сверкнули черные сестрицыны глаза. – Вместе сбегим... Он меня не оставит...

Думала Мизюкова два дня... и два дня Давид не отходил от тетки.

Не ел.

Пил только воду. Глядел больными глазами, и под взглядом этим таяла решимость Мизюковой... а и вправду, вдруг да не блажь? Вдруг та самая любовь, которая одна и на всю жизнь? И если так, то откажи, и господь накажет. Ладно, господь, так ведь и Давидка от огорчения заболеть способный. Или вовсе помрет от жару любовного... Слыхала Мизюкова этакie истории.

Не простит тогда сестрица.

Сыночка единственного она любит пище себя самое... а брак... что брак, как поженились, так и разведут. Чай, времена ныне не те, что прежде... и коль не уживутся, то сумеют Бестужевы негодную невестку спроводить.

Чем больше о том Мизюкова думала, тем спокойней ей делалось.

Конечно, сестрица не обрадуется... и, может, эту любовь выдумкой сочтет, дурыю, но коль так, пусть сама сие сыну и объясняет. Он же, поживши подле избранницы своей, глядишь, и поутихнет со страстию, разберется, что и к чему...

На третий день Мизюкова кликнула племянника и горничную, глядеть на которую после того дня спокойно не могла.

– Дам я тебе свободу. – Слова сии было нелегко произнести. – А уж что вы с ней делать станете – не моя забота... Только, Давидушка, подумай еще раз... Хорошенько подумай... о матушке своей...

Мать он любил.

Но Матрену Саввинину свою любил еще сильнее. И коль желала Мизюкова племянника образумить, то не те слова подобрала. Он, счастливый, что обрела его избранница свободу, враз подумал о матушке своей горделивой с ее планами... и о том, что сделает она все возможное, дабы порушить эту женитьбу... и о том, что, быть может, не сумеет он защитить свою невесту...

А вот жену – дело иное.

Обвенчались Давид Бестужев с избранницей своею, бывшею холопкой Матреной Саввиной, на следующее же утро в местечковой тихой церквушке...

Глава 3

Из полиции приходили.

Так должно было быть, и человек уговаривал себя не волноваться.

Он ведь готовился к этому визиту.

– Значит, вы поехали в ресторан...

– Не совсем. – Человек старался не смотреть полицейскому в глаза. Он читал книги, он знает: в глаза смотрят, когда врут. А ему надо, чтобы его ложь походила на правду.

Он почти и сам поверил, что это и есть правда.

– Домой... я не люблю рестораны... – Человек рукой махнул. – Да и... настроения, честно говоря, не было.

Полицейский поверил.

Он тоже был не особо умен, потому как умные люди в полицию не идут, там собираются одни неудачники.

– Враги... не знаю. – Человек нахмурился, делая вид, будто раздумывает над последним вопросом. Странно. Ему казалось, что после убийства он будет испытывать угрызения совести, но та молчала. И хорошо... Значит, он всецело прав, избавив мир от Генки. Он, можно сказать, этому миру услугу оказал!

Главное теперь – найти картину...

– Разве что Илья... – задумчиво протянул человек, потому что полицейский не спешил уходить. Сидел. Смотрел. Все равно идиот, по лицу видно, скучно ему. – У них там какие-то свои дела были... Его с наркотиками взяли... а Илья утверждал, что это Генкины... а Генка все отрицал. В школе выпрашивали... потом дело это замаяли. Илью выпустили... Не знаю, кто там был прав, но его вынудили уйти. Он в университет поступать хотел, а пришлось в училище. С характеристикой такой, которую ему дали, сами понимаете, никуда не сунешься... и на вечере выпускников они поссорились.

– Поссорились? – Полицейский подался вперед, а человек внутренне поморщился. Все же ссора – слишком явная ложь, такую легко опровергнуть. А опровергнув, задаться ненужными вопросами.

– Ну... не совсем... Они о чем-то говорили... вышли на лестницу пожарную. Там есть местечко... и там они были. А потом Илья выскочил нервный такой... наверное, опять отношения выясняли. В школе они вообще дрались. И Илья клялся, что убьет Генку... Но это же было двадцать лет назад!

Восклицание получилось уместным. И полицейский кивнул, он теперь запомнит, что драка в принципе была, и угроза... А остальное – пусть уж Илья сам выкручивается, раз он думает, что умный такой.

– Скажите, – полицейский все равно не уходил, огляделся, – вы искусством занимаетесь?

– Скорее историей искусства. – Человек позволил себе снисходительную улыбку. Все же род его занятий был слишком сложен, чтобы осознала его личность столь примитивная.

– Ага... и, значит, мне сказали тут про картину... Потерпевший к вам не обращался?

– Зачем?

– Не знаю. Ну... может, за консультацией какой...

– Он сам был искусствоведам...

Ложь.

Не был он ни минуты. Он всех обманул... выкрутил руки... вынудил... Всегда присваивал себе чужие работы. И только смеялся... Чья это была находка?

Да он сам в жизни не догадался бы...

Ничтожество.

– Значит, не обращался...

Опасный момент...

– Он упоминал о картине, – вынужден был признать человек. – Сами понимаете... не мог не сказать, но ничего толком... только сказал, что сделал поразительное открытие... неизвестный вариант портрета «Неизвестной» Крамского...

В глазах полицейского появилась тоска.

– Гена был уверен в подлинности полотна... но предавать свою находку огласке не спешил. Хотел выкупить картину у нынешнего владельца. Конечно, не совсем это этично, быть может, не говорить об истинной стоимости полотна, но ничего незаконного... Гена и сам рисовал. Все-таки без полноценной экспертизы сделать заключение невозможно, но, по его словам, все указывало, что он нашел именно оригинал портрета... а та картина, которая была выставлена Крамским, – именно копия... авторская копия...

Полицейский не сумел скрыть зевка.

Скучно ему? Замечательно.

– Но вы картину не видели?

Человек развел руками.

– Увы... не судьба...

... Генке не судьба.

... он не заслужил...

Остаток дня прошел, как в тумане.

Генка умер.

Илья ведь желал ему смерти, тогда, в далеком прошлом. В камере... и потом еще, когда сидел в одиночестве, пытаясь держать лицо, а лицо не держалось. И ему казалось, что все в классе наблюдают за ним, подмечают признаки слабости.

Раскаяния.

Какого, к лешему, раскаяния?

А потом была драка... Драться Илья не собирался, чай, не дурак, чтобы на рожон лезть. Получилось так. Случайная встреча на заднем дворе. Генкино язвительное замечание, брошенное не Илье, но кому-то... Таньке, кажется?

И ее смех.

Она ведь Илье нравилась. Она была красавицей, и красавицей такой осталась, хотя эта красота не вызывала у Ильи больше сердечного трепета и трепета вообще. Но тогда... Он ответил что-то... и Генка снизошел до плевка под ноги... а Илья – до удара в Генкину ухмыляющуюся харю... Разнимали их долго.

Генка грозился исключением.

Илью бы и вправду исключили, но на носу были экзамены и комиссия из Москвы, перед которой никак невозможно было ударить лицом в грязь, а потому скандал замяли. Правда, с тетki взяли слово, что Илья уйдет сам.

Все-таки странно... Генка из тех, кто умеет устраиваться в жизни. Почему же он выглядел так затрапезно? Или просто очередной образ? Маска?

А ему голову размозжили.

Ломом.

Тоже нелепое убийство... Нет в нем ни изысканности, ни даже аккуратности, одна слепая ярость. Лом взяли в школе... Тогда убийство случайно?

Или нет... замок надо было взломать, лом принести... Жаль, Илья не удосужился поинтересоваться, где именно Генку нашли, но сомнительно, чтобы тот выбрал для беседы подсобку. Значит, все-таки предумышленное и... и не настолько, чтобы принести лом с собой.

Может, тот, кто это сделал, изначально не собирался убивать Генку? Вообще не знал, явится ли он на встречу. А увидел и... Генка многим в свое время по нервам потоптался.

Кто-то из своих.

Кто знает про подсобку. Лом. И про то, что ключ от подсобки хранится в тайнике, то есть завхоз полагает этот горшок тайником, но секрет его известен почти всей школе.

Или все-таки не собирались Генку убивать? Припугнуть? Выместить злость... скажем, сломав руку... а получилось вот убийство...

Генку не было жаль совершенно.

Илья постарался выкинуть эту смерть из головы.

А утром вновь позвонила Танька.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

Илья бросил взгляд на часы. Начало седьмого... В школе о Танькиной бесцеремонности легенды ходили, и надо же, она не изменилась нисколько.

– Спишь, что ли? – с неудовольствием поинтересовалась она.

– Сплю. – Илья подавил зевок и раздражение.

– На похороны придешь?

– Чьи?

– Генкины.

Спросонья Илья туго соображал. Он вообще ненавидел ранние подъемы, потому как долго не мог прийти в себя, не помогали ни кофе, ни холодный душ. Бодрость, которую дарил последний, заканчивалась как-то быстро, и следом наваливалась усталость, и до вечера Илья ходил, словно вареный.

– Вы же, помнится, друзьями в школе были...

– Танька. – Он все же зевнул широко, до занывшей челюсти. – Неужели ты позабыла, чем наше přátельство закончилось?

Танька засопела. Обиделась, что ли? Ей-богу, как ребенок.

– Ильюша. – Теперь она говорила мягко, как с ребенком или с душевнобольным. – Хватит уже... та история... Кто теперь разберет, ты был прав или Генка... Все-таки его убили... и наши все соберутся. Ты придешь?

– Нет.

– Илья!

– Что? Да плевать мне на Генку! Помер и...

– Приходи. – Тон Таньки вновь изменился. – Ты должен быть! Или, может, это ты его, а, Илья? Из-за той истории...

– Ты полиции ее рассказала?

Танька хмыкнула.

– Ну, я, – произнесла она, на сей раз с вызовом, и поспешила оправдаться: – Если бы не я, все равно рассказал бы кто-нибудь... Все же знали, как вы с Генкой собачились в последний год.

Ну да, все знали.

А теперь все увидят, что именно Илья имел на Генку зуб... Надо появиться на треклятых похоронах этих, иначе и вправду пойдет слушок. Впрочем, Илья крепко подозревал, что слушок все равно пойдет, вне зависимости от того, придет он или нет.

– Помиришь уже. Генка... он был сволочью... но именно, что был.

Танька трубку повесила.

А где и когда похороны будут, не сказала. Специально не сказала, чтобы теперь уже Илья вызванивал, спрашивал ее. Он не будет. Ему это совершенно ни к чему... и на похороны он точно не пойдет. Кого он там не видел?

Еще один вечер встреч?

Кладбище – самое место для светлых школьных воспоминаний. Илья сплюнул и попытался уснуть снова. И опять не вышло.

Письмо доставили ближе к полудню.

Заказное.

И хмурый почтальон долго пытался найти среди бланков фамилию Ильи. Писем Илья не ждал. А потому на темный конверт, перевязанный бечевкой, смотрел с немалым подозрением.

Конверт был пухлым.

И грязным.

Сальное пятно с одной стороны. Капля кетчупа с другой. Неровный Генкин почерк... Письмо с того света... И что с ним делать? Внутренний голос подсказал, что письму этому самое место в мусорном баке, но здравый смысл предлагал сначала заглянуть в конверт.

Вдруг что-то важное?

Илья не нарушит закон. А если что-то и вправду важное, то Илья это передаст полиции, чем полностью очистит свою совесть от чувства вины и...

...В конверте оказалась копия дела. Того самого, личного дела. И характеристика, выписанная на Илью давешним оперуполномоченным...

...И еще копии докладных, которые Илья старательно писал. Он перебирал листы, один за другим, испытывая огромное желание смять их, сжечь, чтобы никто...

Что Генка собирался делать с этим добром?

Шантажировать? Очень на него похоже.

Илья поднял с пола конверт, разгладил его. На почтовом штемпеле сложно было что-то разобрать, однако он постарался. И, судя по дате, письмо Генка отправил за сутки до встречи выпускников. Готовился, стало быть? Предполагал, что Илья пошлет его вместе с Крамским куда подальше... и что бы впоследствии?

Угроза разоблачения?

Какая-то ерунда... Илья – не та фигура, которой подобное разоблачение навредить способно. Подумаешь... темная история в далеком прошлом. Кому это могло быть интересно?

Илья вытряхнул конверт. И не ошибся: на пол выпал еще листок, тетрадный, в крупную клетку. На таких первоклашки тренируются цифры писать... или вот Генка.

Привет, Ильюха.

Не теши себя надеждой, что письмецо мое ты получил с радостью. Впрочем, на радость твою мне плевать. Если мы встретились на вечере, то ты знаешь, что мне от тебя нужно. Если же по каким-то причинам наша встреча не состоялась, то повторю для тех, кто в танке.

Если не хочешь, чтобы старые твои делишки выползли на свет божий, плати.

Прошу я немного, всего-то пять штук евро. Для тебя это по нынешним временам сущий мизер. И главное, Ильюшка, будем считать, что я всего-то прошу в долг. Выкуплю свою картину и верну.

Конечно, ты сейчас думаешь, что эти бумажки – ерунда, те дела забыты и похоронены. Но видишь ли, Ильюша, для полиции, может, они и не интересны, а вот наша четвертая власть любит покопаться в чужом грязном белье. Особенно если у нее есть заказ.

Если ты не знаешь, то Людка Вязельская у нас на ниве журналистики пашет. И в благодарность за мое хорошее к ней отношение написала статейку, вот почитай. В «Финансовом вестнике» ее, конечно, вряд ли опубликуют, но вот в какой-нибудь «Желтухе» – с радостью.

Хочешь стать знаменитым?

Что-то мне подсказывает, что нет.

Ильюшка, ты сейчас злишься, но подумай сам: каждый выживает, как умеет.

Как надумаешь – звони.

Номер телефона Генка написал на обороте.

Илья прочел письмо еще раз.

Перевернул бумаги.

И вытащил лист, который выделялся среди прочих яркою белизной. Людка, значит... Людку он помнил раскрепрасно, она с девятого класса с Генкой за ручку гуляла.

В рот ему смотрела.

И выходит, ничего не изменилось. А вот статейка получилась грязной. Настолько грязной, что Илья не выдержал, выматерился громко и с душой, хорошо, в квартире был один. И ведь главное, написано так, что не подкопаешься.

Его и вправду задержали за торговлю наркотиками.

А потом отпустили.

Только меж строк читалось, что не только за сотрудничество, но и за то, что доходами своими Илья поделился с правильными людьми. Людка, следовало признать, умела напустить тумана. Ни одного прямого обвинения, а меж строк все читается прекрасно. Просто-таки жизненная история мальчика, который на наркотиках бизнес свой построил, а теперь живет себе, притворяется порядочным человеком.

Следовало признать, что статейка эта попортила бы Илье крови.

Нет, бизнес не рухнул бы.

И партнеры, люди здравомыслящие, не разбежались бы в ужасе, чай, не трепетные барышни... и все-таки хватило бы что слухов, что сплетен. Там, возможно, и до проверок дошло бы... а это – отдельная песня... Нервы свои Илья берег.

Настолько ли берег, чтобы заплатить Генке?

И как быть теперь, с его смертью?

Сунет Людка свою статейку в печать? Или же предпочтет сделать вид, будто и не было ее... На похороны, видно, придется пойти. Хотя бы затем, чтобы с Людкой поговорить.

Стоило принять решение, и полегчало.

Илья еще раз перебрал бумажки, находя какое-то особое удовольствие в том, чтобы сложить их по датам. Заодно уж нашел пару старых снимков, меж листами затесавшихся.

На первом – он с Генкой. Стоят в обнимку, улыбаются.

На втором – Генка, Людка и Вера, которой в этой компании весьма неудобно. Она и стоит в сторонке, улыбаясь застенчиво, будто извиняется, что вообще попала в кадр.

На третьем – вообще стена какая-то... и картина.

Знакомая такая картина.

Женщина в коляске. И этот снимок, сделанный, в отличие от других, недавно, разительно отличается от прочих. Он яркий. Слишком уж яркий.

Обои в бело-зеленую полоску.

Подоконник с графином. Картина, которая смотрится мрачным черным пятном. Нет, если приглядеться, то видна она в деталях, и надменность на лице женщины, и усталость какая-то...

На обороте же значилось:

«Это чтобы ты понял, что она и вправду существует».

Существует.

Пускай себе. Картина эта Илье без надобности. Ему бы решить, что с остальным делать. Для начала, само собой, нужно позвонить Таньке...

Или не ей?

Номер Веры он сохранил. Трубку она взяла почти сразу.

– Доброе утро, – сказал Илья, разглядывая старый снимок, тот, где Генка стоял с Людочкой и Верой. – Не разбудил?

– Доброе. Я уже встала.

– Хорошо... Это Илья...

– Я узнала.

– Вера, ты... на похороны Гены собираешься?

– Да.

– А где и когда они состоятся, случайно, не знаешь?

– Знаю, – спокойно ответила Вера. – Завтра. В одиннадцать. Сбор у Генкиной квартиры, оттуда уже поедem все вместе на кладбище. Ну и поминки, само собой. А ты...

– Придется, пожалуй, заглянуть.

– Ясно.

Ничего-то ей ясно не было.

– Скажи. – Вопрос возник стихийно. – А тебе Генка писем никаких не присылал?

Вера вздохнула.

Замолчала. И молчание это длилось и длилось, Илья даже испугался, что она положит трубку, но Вера отозвалась:

– Он и тебя шантажировал?

Надо же... выходит, угадал.

Вот только радости по этому поводу Илья не испытывал совершенно.

– А тебя...

– При встрече, ладно? – Голос Веры сделался выше, и нервозность в нем чувствовалась ясно. – Я... не люблю вспоминать ту историю.

– Понимаю.

– Но... наверное, в свете последних событий, придется...

– Наверное, – согласился Илья.

– Тогда...

– До встречи.

– Конечно. Завтра. В одиннадцать. Ты адрес...

– Помню прекрасно.

– А цветы ему покупать я не стану, – сказала Вера и отключилась.

Вот ведь.

Похороны никогда не относились к числу мероприятий, от участия в которых Илья получал бы удовольствие, что было, в общем-то, логично.

И, стоя на кладбище, он вдруг ясно вспомнил другие.

Московские.

Мама с отцом. Два гроба. Толпа людей, не столько сочувствующих, сколько преисполненных нездорового любопытства. Они шептались, но громко, а порой и вовсе говорили в голос, свято уверенные, что Илья слишком молод, чтобы понять, о чем идет речь.

...Такие молодые...

...Не повезло...

Не было невезения, но был пьяный водитель, который не справился с управлением и въехал в автобусную остановку. А там мама с папой стояли. На рынок собирались ехать...

– Поплачь, – сухо велела тетка, и эти ее слова, прозвучавшие едва ли не приказом, лишь заставили Илью стиснуть зубы. Не будет он плакать.

– Станет легче, – пояснила тетка и отвернулась.

В черном платье, несколько мешковатом, но все же красивом, слишком красивом для траурного наряда, она выглядела чужой тому месту.

Главное, что сама не плакала... рыдали мамыны подружки. И соседки. И еще какая-то дальняя родня, которую пригласили, потому как не позвать было нельзя. А Илья их никогда-то не видел и видеть не хотел. Он ускользал от объятий и разговоров, он вообще желал одного – чтобы его оставили в покое.

Несбыточная мечта.

...Вот посмотришь, сдаст она мальчика в детдом и квартиру себе приберет...

Люди тетку не одобряли. Осматривали, ощупывали взглядами, и не укрылось от них, настороженных и любопытных, ни платье ее красивое, ни черная вязаная шаль, ни туфли на каблуке.

Разве женщине в сорок лет положено носить туфли на каблуке?

Все сходились на том, что тетка – неподходящая кандидатура для опеки над Ильей. И дальние родственники оживились. Какая-то женщина, пахнущая котлетами, принялась хлопотать и присюсюкивать, что Ильюшечка от горя совсем с лица спал, и не ест, и не спит.

А мальчику нужно питаться правильно.

Другая, тоже полнотелая, одышливая, вторила ей... Что-то там такое, о лагере летнем, о путевке...

А тетка молчала.

Потом уже, после поминок, когда водка развязала языки, те женщины окружили Илью, зажали между собой и в голос принялись спорить, с кем ему будет лучше. Спор распалял их, и про Илью они как-то даже забыли, что позволило ему ускользнуть.

Тетка нашла его в холле.

– Сбежать решил? – поинтересовалась она и закурила.

– Нет, – соврал Илья, который как раз раздумывал о побеге. Останавливала лишь мысль, что бежать ему некуда.

– Если хочешь остаться с ними, я не буду возражать. – Тетка курила и пепел стряхивала в вазон.

– Нет.

Илья не знал, почему сама мысль о том, чтобы жить с одной из тех пышных и не в меру заботливых женщин, была ему неприятна.

– Умный мальчик. Тогда послезавтра мы уедем.

– Нет.

– Илья. – Она не сюсюкала и не пыталась погладить Илью по голове. – Послушай. В твоей жизни произошла трагедия. Не каждый взрослый человек способен пережить подобную. Мне жаль, что все получилось именно так...

Утешать она тоже не умела.

– Твои родители умерли. Но ты жив. И жить тебе придется... Если, конечно, ты не собираешься совершить какую-нибудь глупость?

– Какую? – Про глупость Илья не понял, а тетка усмехнулась и сказала:

– Значит, не собираешься. Хорошо. Мне некогда возиться с истеричными подростками. Поэтому послушай. Остаться одному тебе не позволят. Вариантов есть несколько. Первый – детский дом. Уверяю, тебе там точно не понравится.

Илья дернул плечом: он не собирался вот так признавать теткину правоту. Но детский дом...

– Второй – над тобой оформят опеку Галя или Люда. В целом, они довольно неплохие женщины, хотя... Илья, буду откровенна. Им нужен не ты, а твоя квартира. Возможность переселиться в Москву на законных основаниях.

Она опять замолчала, позволяя обдумать.

– Третий вариант. Я забираю тебя с собой. Твоя квартира мне не нужна, у меня собственная имеется. Переселяться в Москву я тоже не собираюсь. Мне нравятся моя жизнь и моя работа. Да, с твоим появлением кое-что изменится, но я надеюсь, что эти перемены не будут глобальными. Я... знаешь ли, не привыкла возиться с детьми.

– Я не ребенок!

– Замечательно, – ответила тетка без тени улыбки. – В таком случае, полагаю, ты будешь вести себя по-взрослому. Для начала подумай хорошенько и реши...

Думал он долго.

Ему так показалось. А на деле – минут десять. Максимум – пятнадцать... и сказал:

– Я поеду с вами.

К Генкиному дому он подходил со странным чувством.

Возвращение в прошлое?

Почти. Только прошлое это какое-то обесцвеченное... Он помнил и этот дом, некогда весьма престижный, а ныне представлявший собой жалкое зрелище. И площадку. И тополя даже, которые за двадцать лет вытянулись, разрослись. Правда, осклизлые голые ветви их выглядели жалко и немного жутко.

Как и покосившийся грибок над опустевшей песочницей.

В песочнице же с задумчивым видом пристроился рыжий пес, явно домашнего вида... Илью он проводил мрачным взглядом.

Узкая лестница.

Лифт.

В доме тетки лифта не было, и, в первый раз попав к Генке, Илья не отказал себе в удовольствии прокатиться. Под крышу и на первый этаж. А потом опять под крышу.

Здесь пахло хвоей. Танька деловито раскидывала еловые лапки. А Людочка, та самая Людочка, которая ныне обреталась на ниве журналистики, ей помогала.

– Решил все-таки прийти? – поинтересовалась Танька. Ее черное платье было вызывающе коротким, ко всему с глубоким вырезом. – А почему без цветов?

– По кочану.

– Ладно, мы на венки сбрасывались, потом посчитаем, и вернешь.

Танька повернулась спиной.

– Людок, глянь, пожалуйста, машина уже приехала? Если нет, позвони... Что это такое, мы ясно с ними договаривались...

Людочка кивнула.

– ...Заодно ветки до первого этажа положи, но не слишком густо, лапника немного... А ты не стой, в квартиру загляни. Там все наши...

Не все.

Соврала Танька.

Стоял там Ванька Гришин, обнимая хрупкую женщину в черном наряде и с повязкой на голове. Вдова, что ли? Или родственница?

– Туда. – Гришин указал на комнату.

Комнат в квартире было четыре, и ничего, что одна проходная. В ней некогда устроили библиотеку. Илья тогда онемел от такой роскоши. А теперь книги исчезли. И полки, которые некогда держали не только дефицитные тома, но и статуэтки фарфоровые, серебряные и золотые фигурки, мелочи всякие, вроде коллекции табакерок, тоже пропали. Как и сами мелочи.

Куда подевались?

В остальной комнате эта выглядела до отвращения современно. Угловой диванчик. Пара кресел. Столик пластиковый со всяким хламом. Вешалка в углу, на которой предлагалось при-

строить верхнюю одежду, но вешалка выглядела хлипкой, а курток на нее нагрузили изрядно, и потому Илья решил не испытывать ее на прочность.

Гроб поставили в зале.

Здесь было сумеречно, шторы по обычаю задернули, а зеркала завесили простынями. Горели свечи. Стояли какие-то люди, жались друг к другу... шептались.

А гроб стоял.

Открытый.

И Илья не удержался от искушения, подошел. Заглянул старому приятелю в лицо, бледное, напудренное и неживое. Странно, что нет ни чувства удовлетворения, ни ненависти, ничего.

Удивление только, как это получилось, что Генка умер.

Он отступил от гроба, а после и вышел.

В проходную комнату. А потом и в Генкину спальню, то есть раньше эта угловая комната с двумя окнами и балконом была Генкиной. Ныне и ее коснулись перемены. Другие обои. Другие шторы... Мебель тоже другая, да и само ее назначение...

Кабинет?

Похоже на то. Стол тяжеленный. И компьютер в углу. Секретер с десятком ящиков. Илья подергал один, не удивившись, что тот заперт.

– Что ты здесь делаешь? – раздалось сзади.

Илья обернулся.

– Привет, Людочка.

Она была некрасивой. Нет, если посмотреть на лицо, то черты ее вполне миловидны, но все портит выражение какого-то недовольства.

Раздражения.

И страха.

– Что ты здесь делаешь? – повторила она и вошла, дверь за собой прикрыв.

– Тебя жду.

Илья присел на кресло.

Удобное, к слову. И недешевое... Вот стол – дешевый и поцарапанный. И секретер не лучше, а кресло новехонькое... ортопедическое, при кожаной обивке и кожа хорошей выделки.

– Зачем? – Людмила вошла и дверь за собой прикрыла.

– Поговорить.

– Нам есть о чем говорить?

Притворное удивление. И если бы знала она, до чего Илье надоели все эти игры.

– О твоей статье, которую ты написала по Генкиной просьбе... Скажи мне, зачем?

Отвернулась. Процедила сквозь зубы:

– Теперь тебе не о чем переживать.

– А тебе есть о чем?

– Илья, это не твое дело!

– А мне кажется, что мое... Он ведь и тебя шантажировал, Людочка? Давай угадаю? Сначала втянул в какое-нибудь дерьмо, а потом решил на этом поживиться?

Молчит. И говорить не собирается. А Илья и близко не догадывается, на чем ее зацепили.

– Послушай, – он откинулся в кресле, – мы с тобой в одной лодке. Думаю, он и тебя успел достать до печенок... Ты ведь пришла плюнуть в его гроб?

Людочка усмехнулась. И сразу стало ясно, что плюнула бы она в Генкин гроб с превеликим удовольствием, и плюнет, быть может, но явилась сюда не за этим.

– Ищешь оригиналы?

– Ты... Они у тебя?

Значит, угадал.

– Нет. Люда... Если ты не поняла, мы с тобой в одинаковом положении... он шантажировал тебя. И меня. И полагаю, что не только нас. Если мы объединим усилия, то...

– Отыщем клад, – огрызнулась Людмила. – Господи, Илья, если бы ты знал, как я устала от всего этого... Восемь лет... восемь проклятых лет... Я и забыла уже... заставила себя забыть про то время... а тут он объявился. И приказал платить.

– И ты заплатила?

– Заплатила, – созналась Людочка.

Плечи ее поникли. И сама она постарела, как-то вдруг и разом, сделалась еще более некрасивой.

– Ты не понимаешь, Илья... тебе... Да, тебе бы грозили неприятности, но это мелочь...

Наверное, чужие беды всегда кажутся мелочью.

– Мою жизнь он разрушил бы до основания. А самое мерзкое знаешь что? Он во всем был виноват... Хорошо, что эта сволочь сдохла, жаль, что так поздно... Я все надеялась, когда же... а он... жил и жил... иногда исчезал, я тогда вздыхала с облегчением... и позволяла себе думать, что все, мы в расчете. Он так говорил каждый раз. А потом у него заканчивались деньги, и он звонил снова. Или не деньги, а... Ему нравилось трепать мне нервы. Чувствовал себя хозяином. А на деле... Он ведь был неудачником, Илья.

– Присядь.

Людочка подчинилась.

– Рассказывай сначала, – велел Илья.

Он опасался, что Людмила опомнится, но она была уставшей и, кажется, немного пьяной, если заговорила сразу. А может, эта тайна, которую она хранила так долго, измучила Людмилу, и она надеялась, что теперь-то получит свободу.

– Понимаешь... Когда я узнала, что он сдох, то обрадовалась... Я плясала и пела от счастья, потому что думала, что свободна... а потом вдруг... Если кто-то еще найдет? Или... или Генка устроит так, чтобы все выплыло... Он мне грозился, что если умрет, то муж получит снимки... и объяснения... и...

Людочка махнула рукой.

– Но я все равно рада, что эта скотина сдохла. Он заслужил это, Илья.

С Генкой Людочка была знакома давно, с первого класса. Правда, в начальной школе Генка, как и прочие мальчишки, ее интересовал мало, но позже, повзрослев, Людочка включилась в азартную игру с бумажными сердечками, дневниками и записками, которые подкидывали в портфель.

Глупости пятого класса.

И не меньшие – шестого.

К седьмому она повзрослела, как ей казалось, и влюбилась всерьез. Не в Генку. Генка, если разобраться, ей никогда особо не нравился, слишком наглый и нос вечно задирает. Первая любовь сменилась второй, а та и третьей.

Все влюблялись.

С Генкой она сошлась к выпускному классу, сама не заметив, как это произошло. Он умел быть милым, когда хотел произвести впечатление. И произвел.

Первое настоящее свидание.

Кинотеатр. Букет алых роз... Людочке никогда не дарили роз, и она мигом почувствовала себя взрослой. Потом было еще свидание... и приглашение к Генке домой... Там вечер при свечах. Вино... как в кино и даже лучше, правда, маме пришлось соврать, что Людочка останется у подруги, благо мама была занята собственными проблемами и грядущим разводом, предотвратить который она пыталась, а потому поверила сразу.

Отпустила.

Это свидание закончилось просмотром взрослого фильма.
И постелью.

Нельзя сказать, чтобы этот процесс Людмиле сколько бы ни было понравился. Больно. Неудобно. И как-то смешно, что ли... но она старалась быть взрослой.

Потом были еще встречи. Она даже всерьез начала думать о грядущей свадьбе, потому что в кино любая любовь заканчивалась именно свадьбой, но Генка сказал:

- Нам еще рано. Надо поступить. Отучиться. Вот ты кем стать хочешь?
- Журналистом, – призналась Людмила. – Но придется, наверное, парикмахером...
- Почему?
- Денег нет.

Про деньги говорила мама. Она только про них в последнее время и говорила, а еще про то, что отец ушел, что теперь придется жить на одну мамину зарплату... Значит, надо экономить.

А институт – это не экономия.

Мама его не потянет.

Вот если Людмила станет парикмахером, то сможет зарабатывать. К примеру, стрижками на дому... или завивками...

Генке она рассказала об этом, а он лишь фыркнул.

– Ерунда. Не твоей маме решать, как тебе жить.

Говорить он умел.

И говорил, пылко, страстно, убеждая Людмилу, что нельзя отказываться от мечты. А деньги... Деньги – это наживное. И Людмила вполне способна сама заработать на учебу. Причем Генка готов ей помочь. Конечно, если у Людмилы хватит духу переступить через глупые правила морали.

Естественно, у нее хватило.

Она сама себе показалась смелой, решительной и вообще способной на все ради мечты. И эта решительность опьяняла...

А потом Генка рассказал, что нужно будет делать.

– Я хотела отказаться. – Людмила достала из кармана мятую пачку, вытащила сигарету, но прикуривать не стала, просто сидела и мяла ее в руках.

Пальцы дрожали.

– Я... я ведь... верила в любовь, большую и светлую. А Генка... он начал говорить, что никакой любви нет, а есть физиологические потребности. И жениться на мне он в любом случае не станет. Просто разойдемся после выпускного. Он в Москву, а я... Я останусь в городе, пойду в ремесленное училище и всю оставшуюся жизнь буду делать стрижки с завивками. У него это звучало так... оскорбительно.

Она опустила голову.

И сигарета выпала из онемевших пальцев.

– Он говорил, что в любом случае я буду спать с мужчинами... с однокурсниками, с мастерами... не важно, главное, что буду... из соображений любви или других, но бесплатно. Максимум – подарят цветы и шоколадку. Это прозвучало так, что... будто этими цветами платят за секс. А он предлагает другой вариант. Изредка я буду встречаться с очень состоятельными мужчинами. Я не стану проституткой, нет... Им не нужны проститутки, но нужны милые чистенькие девочки... как я... Мне будут хорошо платить. Денег хватит, чтобы учиться, чтобы снять квартиру и вообще ни в чем себе не отказывать. Да, Генка тоже получит свой процент за посредничество, но... В этом мире за все надо платить.

Людмила тяжело вздохнула.

– Он дал мне время подумать. И добавил, что я не одна такая... Наши давно уже так работают и все довольны. И если я не верю, то могу сама спросить.

А вот это уже интересно.

Если и вправду «работала» не одна Людмила, то и шантажировали не только ее.

– Кто?

– Танька... и Юлька, если помнишь ее... из параллельного... она потом на иглу подсела... думаю, тоже он постарался. Или сама? Юлька умерла в девяносто восьмом...

Зато Татьяна жива.

– Танька сама ко мне подошла. Начала убеждать, что ничего такого в этом нет. Наоборот, все просто чудесно. Пара встреч в месяц, и у меня появится так много денег, что знать не буду, куда их тратить.

– И ты поверила?

– Дура, да?

– Да, – не стал отрицать Илья, хотя ему ли судить. Он ведь тоже поверил Генке.

– Я... согласилась. Поначалу... было неприятно немного, но... Он действительно подыскивал солидных людей. Как я теперь понимаю, из тех, которые при власти или просто на виду. Главное, им не с руки было светиться, рисковать, приглашая проституток... Где их Генка находил, понятия не имею. Он просто звонил. Говорил, чтобы была готова к определенному времени. Обычно вообще предупреждал за день или два... Я выходила, садилась в машину... а Генка уже отвозил по адресу. Там... там по-всякому... Мне и вправду неплохо платили. Хватило, чтобы жить не на одну стипендию. Мать злилась, правда, потом успокоилась, когда увидела, что я сама зарабатываю. Я врала, будто бы за статьи платят. Она верила. И никогда не просила статьи прочитать. У нее...

– Хватало своих забот.

– Именно. На курсе третьем я решила, что надо завязывать... Генка стал наглеть. Уже не раз в неделю, а почти через день... и люди пошли не те... Страна как раз развалилась, полезло... всякое... Тогда-то он и пригрозил... Сказал, что есть снимки... Он делал их на той квартире.

– Клиентов твоих шантажировал?

Людмила задумалась, но ненадолго.

– Нет. Понимаешь, они были... Не его масштаба добычей. Если бы Генка попробовал, его размазали бы... Скорее уж он подстраховывался, если кому-то вздумается нагадить. Он пообещал, что пустит эти снимки по институту... и не только... Был один парень, который мне очень нравился. Так вот, когда я послала Генку подальше, этот парень получил конверт с дюжиной фотографий, на которых я и... разные клиенты. И приписку, кто я... Он порвал со мной. Генка же посоветовал не дергаться, иначе хуже будет.

– И как ты...

Людмила вытащила другую сигарету, которую опять же принялась мять.

– Мне повезло. Новое время. Множество возможностей. И девочек, которые сами желали на панель попасть, стало в избытке. Генка решил, что возиться с нами ему невыгодно... Он просто исчез. Ушел ловить своего белого кита... а я... Я сразу поверить не могла, что все закончилось. Вздрагивала от каждого звонка... Нервы ни к черту... Как-то доучилась... Решила уехать... Поменяла квартиру... Другой город, другие люди. Понадеялась, что и жизнь станет другой.

– И как?

– Не так радужно, как я себе представляла, но мне удалось зацепиться, написать пару удачных статей... Потом еще сценариями одно время подрабатывала. Книги писала... Если помнишь, в то время появилась куча литературного хлама, вроде Бешеного, Сиплого... или женских романов... За них неплохо платили. Мне хватало. Потом умерла мама, и я вернулась,

нашла работу здесь. Успокоилась окончательно. Замуж даже вышла... Он хороший человек. У нас сын...

...и тихая жизнь, которую Людмиле не хочется терять.

– Обыкновенная семья была... и да, я была счастлива... а потом позвонил Генка. Предложил встретиться. Я... я хотела отказать, а он сказал, что мне стоит проявить благоразумие.

Естественно, Людмила проявила.

– Он потребовал денег. Сказал, что снимки никуда не делись и... и если я не хочу неприятностей, мне придется платить.

– И ты платила.

Людмила вскинулась.

– А что мне было делать?

Илья не знал. Признаться мужу? Покаяться... или какое раскаяние небось у каждого в прошлом есть хотя бы одна маленькая гаденькая тайна.

Или большая и гадкая.

– Я заплатила. Он уверял, что больше не появится, что у него затруднительные обстоятельства... и вообще... мои деньги нужны ему, чтобы вложиться в один проект...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.